

РАЙЧЕЛ
МИД

ТЫ НИКОГДА

АКАДЕМИЯ ВАМПИРОВ

НЕ БУДЕШЬ
ПРЕЖНЕЙ

КРОВАВЫЕ
ОБЕЩАНИЯ

Вселенная Академии вампиров

Райчел Мид

Кровавые обещания

«ЭКСМО»

2009

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Мид Р.

Кровавые обещания / Р. Мид — «Эксмо», 2009 — (Вселенная Академии вампиров)

ISBN 978-5-699-40987-7

Удар за ударом наносят по Академии вампиров безжалостные стригои, извечные враги вампирского рода. Последняя атака стала самой кровавой за всю историю школы, она унесла жизни многих учеников и учителей. Но самое страшное – стригои забрали с собой пленников, а среди них – Дмитрия, самого дорогого человека для Розы, подруги и стража принцессы Лиссы. Роза, мучимая болью утраты, отправляется в далекое путешествие, чтобы отыскать своего возлюбленного и отомстить похитившим его порождениям тьмы. Впервые на русском! Новая книга культового сериала об Академии вампиров.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-40987-7

© Мид Р., 2009
© Эксмо, 2009

Содержание

Пролог	6
Один	9
Два	15
Три	21
Четыре	28
Пять	34
Шесть	42
Семь	46
Восемь	54
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Райчел Мид

Кровавые обещания

© Жужунава Б., перевод на русский язык, 2010

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

*В память о моей бабушке, жизнерадостной леди с Юга и самой
лучшей стряпнухе, которую я когда-либо знала*

Пролог

Когда я училась в девятом классе, нам задали выучить стихотворение. В нем была такая строка: «Пока твои глаза закрыты, ты не поймешь, спишь или бодрствуешь».

В то время я не понимала сути стиха. В конце концов, в классе был парень, который мне нравился; где уж тут заниматься литературным анализом?

И только сейчас, спустя три года, я прониклась смыслом этого стихотворения. Потому что в последнее время моя жизнь стала больше напоминать сон, чем явь. Бывали дни, когда я думала, будто стоит мне проснуться, и выяснится – ничего не было. Я просто заколдованная принцесса. В любой момент этот сон – нет, ночной кошмар – завершится и я окажусь в объятиях своего принца. У моей сказки должен быть счастливый конец. Однако никакого счастливого конца не предвиделось, по крайней мере в обозримом будущем. А мой принц? Это долгая история. Принца превратили в вампира – в стригоя, точнее говоря.

На Земле втайне от людей существуют два вида вампиров. Морои – живые вампиры, владеющие магией стихий и не убивающие ради крови, необходимой им для выживания. Стригои – не-мертвые вампиры, бессмертные, злобные убийцы. Стригоями становятся насильственно или по доброй воле, без хитрости и коварства тут не обойтись.

Дмитрия, парня, которого я любила, сделали стригоем вопреки его воле. В тот день стригои похитили мороев и дампиров из нашей школы. Чтобы вызволить несчастных, была организована миссия по спасению. Я тоже принимала в ней участие. Я – дампир – наполовину человек, наполовину вампир. Мы, дампиры, наделены человеческой силой и отвагой, а от мороев унаследовали великолепные рефлексы и обостренное восприятие. Дампиры проходят обучение, чтобы стать стражами – отборными телохранителями и защитниками мороев. Вот кто я такая. Таким же был и Дмитрий.

После того злополучного боя, когда он превратился в стригоя, моройский мир считает его мертвым. И в определенном смысле так оно и есть. Стригои утрачивают всякое представление о добре и навсегда расстаются с той жизнью, которую вели прежде. Даже те, которые предпочли стать стригоями добровольно, превращаются в озлобленных и безжалостных монстров; таковы все стригои. От прежней личности не остается ничего. Представить, будто они прекратили охоту по ночам на невинных жертв невозможно; легче вообразить, как их души отправляются в рай или готовятся к новому воплощению. Однако я не смогла забыть Дмитрия или смириться с тем, что, по существу, он мертв. Я его любила, этого человека, с которым мы были так близки, что иногда не удавалось определить, где заканчиваюсь я и где начинается он. Он продолжал жить в моем сердце. Я также отлично помнила один из наших разговоров, когда мы оба сошлись во мнении, что лучше умереть – по-настоящему умереть, – чем стать стригоем.

И поскольку в своей скорби я еще не утратила представления о добре, то решила, что должна уважить его желание. Даже если сам он изменил точку зрения. Я должна найти его. Должна убить его и освободить душу от мрачного и неестественного состояния, в котором она пребывает. Тот Дмитрий, которого я любила, хотел бы этого, я точно знала. Правда, побороть стригоя нелегко – они невероятно быстры и сильны. И не знают жалости. Я уже убила нескольких – большая редкость для того, кому только-только исполнилось восемнадцать. И я знаю – бой с Дмитрием станет для меня величайшим испытанием, и физическим, и эмоциональным.

Фактически эмоциональные последствия моего решения последовали сразу же, как только я его приняла. Отправляясь на поиски Дмитрия, я кардинально меняла свою жизнь (не считая того факта, что, весьма вероятно, я вообще могу расстаться с жизнью). Мне оставалось всего несколько месяцев до окончания школы, после чего я стала бы полноценным стражем. Однако каждый проведенный мной день в Академии Святого Владимира означал еще один день, прожитый Дмитрием в том состоянии, в котором он никогда не хотел оказаться. Я слыш-

ком сильно любила его, чтобы допустить это. Я бросила школу и покинула мир, в котором прожила почти всю свою жизнь, отправившись в мир людей.

Мой отъезд означал разлуку еще и с лучшей подругой Лиссой, она же Василиса Драгомир, моройка, последняя в своем королевском роду. Я собиралась стать ее стражем после того, как мы закончим школу. Мое решение отправиться на поиски Дмитрия ставило крест на нашем совместном будущем. У меня, однако, не было выбора.

Не считая нашей дружбы, между мной и Лиссой существовала совершенно уникальная связь. Каждый морой специализируется в одном из видов магии – земля, вода, воздух или огонь. До недавнего времени мы считали, что существуют лишь эти четыре стихии, но потом обнаружили пятую: дух.

Это и была стихия Лиссы. Однако в мире очень мало пользователей духа, и мы почти ничего не знали о нем. Похоже, он как-то связан с психическими силами. Лисса потрясающе владеет принуждением – она способна подчинить своей воле практически любого. Еще она может исцелять, и это-то и дало толчок к возникновению нашей странной связи. Видите ли, произошла автомобильная авария, во время которой погибла вся ее семья; фактически была мертва и я. Однако, даже не отдавая себе в этом отчета, Лисса возвратила меня из мира мертвых, что и создало психическую связь между нами. С тех пор я всегда осознаю, где она, что с ней, о чем думает. И если у нее неприятности, я тоже сразу чувствую это. Недавно также выяснилось, что я могу видеть призраков или духов, еще не покинувших наш мир. Мне это совсем не нравилось, и я всячески старалась закрываться от них. Такой феномен называется «поцелованная тьмой».

Наша психическая связь делает меня идеальным стражем для Лиссы, поскольку я мгновенно чувствую, если с ней что-то не так. Всю свою жизнь я обещала защищать ее, но потом появился Дмитрий – высокий, великолепный, страстный Дмитрий – и изменил все. Я оказалась перед ужасным выбором: продолжать защищать Лиссу или освободить душу Дмитрия. Необходимость выбирать между ними разбила мне сердце, порождая почти невыносимую боль и слезы. Расставание с Лиссой оказалось ужасно мучительным. Мы были лучшими подругами с детского сада, и мой отъезд стал шоком для обеих. По правде говоря, она никогда даже не предполагала, что такое возможно – свой роман с Дмитрием я держала в секрете. Он был моим инструктором, на семь лет старше меня и тоже должен был стать стражем Лиссы. Учитывая все это, мы оба упорно сопротивлялись взаимному влечению, зная, что обязаны сосредоточиться на Лиссе, и понимая, что личные отношения ученицы с инструктором могут обернуться большими неприятностями.

Однако необходимость воздерживаться от общения с Дмитрием – хоть я смирилась с этим – породила в моей душе обиду на Лиссу. Скорее всего, мне следовало рассказать ей обо всем и объяснить свою печаль из-за того, что вся моя жизнь распланирована заранее. Это казалось несправедливым – у Лиссы есть свобода выбора и в жизни и в любви, а я вынуждена приносить в жертву свое счастье, чтобы обеспечивать ей защиту. И все же... Она была моей лучшей подругой, и мысль огорчить ее казалась невыносимой. Тем более что Лисса в особенности уязвима – использование духа имеет скверный побочный эффект, способный довести до безумия. Поэтому я скрывала свои чувства до самого последнего момента, до окончательного взрыва, а когда это произошло, навсегда покинула Академию – и Лиссу.

Один из призраков, которых я видела, – Мейсон, мой друг, убитый стригоем, – рассказал мне, что Дмитрий вернулся к себе на родину, в Сибирь. Но куда именно в Сибирь, Мейсон не успел мне подсказать – вскоре после этого его душа обрела покой и покинула наш мир. Поэтому мне предстояло действовать вслепую, чтобы выполнить данное самой себе обещание.

Проведя несколько недель в человеческом мире, полностью предоставленная самой себе, я в конце концов оказалась в Санкт-Петербурге, полная решимости найти Дмитрия – хоть и опасаясь встречи с ним. Потому что если бы я действительно осуществила свой безумный план,

если бы действительно сумела убить человека, которого любила, это означало бы, что Дмитрий реально покинул наш мир. И признаться, я не была уверена, что смогу жить в таком мире.

Все происходящее казалось нереальным. Кто знает? Может, оно и не было реальным. Может, это происходило с кем-то другим. Может, я все себе вообразила. Может, совсем скоро я проснусь и обнаружу, что с Лиссой и Дмитрием все в порядке. Мы все будем вместе, и он будет улыбаться и говорить, что все хорошо. Может, на самом деле это всего лишь сон.

Но, честно говоря, в это мне верилось с трудом.

Один

Меня преследовали.

Учитывая, что последние недели я сама только этим и занималась, в происходящем был оттенок иронии. По крайней мере, за мной следил не стригой, в противном случае я бы его почувствовала. Недавно выяснилось, что я, как «поцелованная тьмой», способна ощущать рядом присутствие немертвых – к несчастью, через приступы тошноты. И все же я радовалась, что тело может предостеречь меня заранее.

Это заметное облегчение, осознавать, что ночной преследователь не обладает сверхъестественной быстротой и силой злобного вампира. Я совсем недавно имела с ними дело и не жаждала повторения.

Следовало бы догадаться, что мой преследователь – дампир, как и я, и, скорее всего, один из членов клуба. Правда, прятаться, как полагается дампирю, ему не удавалось: он упорно шел за мной по темной стороне улицы. Я прекрасно слышала его шаги и даже в какой-то момент заметила в тени фигуру. Тем не менее, учитывая мое опрометчивое поведение той ночью, именно дампир был правонарушителем. Все началось еще раньше в «Соловье», так назывался клуб. Я, конечно, привожу лишь перевод, поскольку произнести его настоящее название порусски выше моих способностей. У нас в Америке этот клуб хорошо известен среди богатых мороев, любителей бывать за границей, и теперь я поняла почему. В любое время дня и ночи посетители «Соловья» напускали на себя такой вид, словно находились на королевском балу. И само заведение явно было пропитано духом прежних дней, духом царской России, даже стены цвета слоновой кости были покрыты лепными украшениями с золотыми завитками. Все это очень напоминало залы резиденции русского царя – Зимнего дворца. Приехав в Санкт-Петербург, я ходила туда на экскурсию.

В «Соловье» золотистый декор освещали настоящие свечи, вставленные в изящные канделябры, и, несмотря на тусклое освещение, казалось, что все помещение искрится. В большом обеденном зале стояли столы, накрытые бархатными скатертями, имелись в клубе и отдельные кабинеты, и комната отдыха, и бар для гостей. Каждый вечер в «Соловье» играл оркестр и кружились танцующие пары.

Пару недель назад оказавшись в Петербурге, я даже и не думала, что стану завсегдатаем этого клуба. Я наивно воображала, будто запросто встречу мороев, которые тут же укажут мне дорогу к родному городу Дмитрия в Сибири. Пожалуй, отправиться к нему на родину – самое верное решение, учитывая, что никаких других подсказок относительно его возможного местопребывания в Сибири не имелось. Вот только я не знала, где этот город, потому искала мороев в надежде на их помощь. В России существовало множество дампирских городков и коммун, но не в Сибири, поэтому я пребывала в уверенности, будто местные морои наверняка знают, откуда он родом. Но, увы, живущие в человеческих городах морои слишком хорошо скрывают свое присутствие, а без них я не знала, куда идти.

Тогда я и сделала ставку на «Соловья», однако для восемнадцатилетней девушки не так-то просто проникнуть в один из самых элитных клубов. Вскоре выяснилось, что дорогие наряды и хорошие чаевые легко решают эту проблему. Персонал начал узнавать меня. Даже если мое появление казалось им странным, они не высказывались по этому поводу и всегда с радостью предоставляли мне любимый столик в углу. По-моему, меня посчитали дочерью какого-то финансового воротилы или политика. Как бы то ни было, у меня хватало денег, чтобы находиться здесь, а больше их ничего не волновало.

Первые несколько вечеров, проведенные в «Соловье», подействовали на меня удручающе. Может, «Соловей» и был местом, которое полюбились мороям, но сюда заходили и

люди. Поначалу казалось, что они единственные завсегдатаи клуба. Ближе к ночи число посетителей росло, и сколько я ни всматриваясь в окружающих, мороев не видела. Самым заметным явлением оказалась женщина с длинными волосами платинового цвета, вошедшая в зал с компанией друзей. На мгновение мое сердце остановилось. Она сидела спиной ко мне, но так сильно походила на Лиссу, что я почувствовала уверенность – меня выследили. Странно то, что я не знала, радоваться или ужасаться. Я так сильно скучала по Лиссе, так сильно – и в то же время не хотела впутывать ее в свою опасную затею. Потом женщина повернулась. Это оказалась не Лисса. И даже не моройка, просто человек. Мое дыхание медленно пришло в норму.

Спустя примерно неделю я впервые заметила тех, кого искала. За поздним ланчем появилась группа мороек в сопровождении двух стражей – мужчины и женщины. Стражи, исполненные сознания своего долга, скромно сидели за столиком, пока их подопечные болтали, смеялись и запивали еду шампанским. Для посвященного определить мороев не составляло труда: они выше большинства людей, бледнее и гораздо, гораздо худее. Даже чуточку странно улыбаются, поскольку стремятся скрыть свои клыки. Дампиры, учитывая примесь человеческой крови, выглядели обыкновенно, как люди.

Для неподготовленного человеческого взгляда я ничем не выделялась из толпы. Ростом пять футов семь дюймов, в отличие от худощавых мороек, я отличалась статной фигурой, с заметными округлостями в нужных местах. Примесь турецкой крови и время, проведенное на солнце, отразились на смуглости кожи, хорошо гармонирующей с длинными, почти черными волосами и такими же темными глазами. Правда, посвященные при близком рассмотрении могли определить, что я дампирка. Не знаю точно, каким образом – может, срабатывал некий инстинкт, притягивающий к себе подобных и позволяющий заметить примесь моройской крови.

Как бы то ни было, в глазах тех стражей я, без сомнения, выглядела человеком и не вызывала настороженности. Я сидела в другом конце зала, в своем углу, ковырялась в икре и делала вид, что читаю книгу. Чтобы вам было понятно, я считаю, что икра – ужасная гадость, но в России она повсюду, в особенности в таких шикарных местах. Икра и борщ – дурацкий свекольный суп. Я почти никогда не ограничивалась едой в «Соловье». Оттуда я прямиком направлялась в «Макдоналдс». Хочу заметить, русские «Макдоналдсы» сильно отличаются от американских. Тем не менее нужно же девушке есть.

Изучение мороек стало проверкой моего мастерства. Впрочем, в дневное время стражам особо опасаться нечего, поскольку ни один стригой не посмеет высунуться на солнце. Правда, наблюдать за всем – это у стражей в крови, и их взгляды постоянно блуждали по залу. Я прошла такое же обучение, как они, и знала все уловки, поэтому смогла незаметно приглядеться к моройкам.

Эти женщины навевались в клуб часто, обычно ближе к вечеру. В Академии Святого Владимира мы вели ночной образ жизни, но живущие среди людей морои и дампиры придерживаются либо дневного распорядка, либо чего-то среднего. Вначале я подумывала подойти к ним – или даже к их стражам, но что-то удерживало меня. Если кто и знает город, где живут дампиры, то это мужчины-морои. Многие из них посещают дампирские города в надежде, что им повезет с доступными девушками. Поэтому я пообещала себе выждать еще неделю – может, тут появятся и парни. Если нет, придется добывать информацию у этих женщин.

Наконец спустя пару дней начали заходить двое моройских мужчин. Обычно поздним вечером, когда легче найти партнершу. Мужчины были примерно лет на десять старше меня, поразительно хороши собой, в костюмах от модных дизайнеров и шелковых галстуках. Держались как влиятельные, важные господа и, готова поспорить на крупную сумму, принадлежали к королевским семьям – в особенности учитывая личных стражей. Стражи никогда не менялись – молодые мужчины, тоже в дорогих костюмах, в соответствии со своей натурой бдитительно обшаривающие взглядом зал.

И конечно, здесь были женщины... всегда. Эти два мороя обожали флиртовать, постоянно бросая по сторонам оценивающие взгляды и заигрывая с любой женщиной в поле зрения, даже человеческой. Но они никогда не уводили с собой человеческих женщин. В нашем мире это жестко соблюдаемое табу. Морои держались в стороне от людей на протяжении столетий, опасаясь, как бы их существование не было обнаружено столь многочисленной и могущественной расой.

Однако это не означало, что мужчины уходили домой одни. В какой-то момент и тоже поздно вечером обычно появлялись дампирские женщины, каждый вечер разные. В платьях с глубоким вырезом, сильно покрашенные, они много пили и смеялись над каждым произнесенным мужчинами словом... даже над теми, в которых ничего смешного наверняка не было. Эти дампирки всегда распускали волосы, но время от времени произвольно делали такие движения головой, которые слегка приоткрывали шеи, все в синяках. Это были «кровавые шлюхи» – дампирки, позволяющие мороям пить свою кровь во время секса. Еще одно табу – хотя время от времени такое происходило, конечно втайне.

Мне хотелось застать одного из этих мороев в одиночестве, не под бдительными взглядами стражей, чтобы иметь возможность расспросить его. Но это было невозможно. Стражи всегда и везде сопровождали своих мороев. Я даже предприняла попытку последовать за ними, когда они покидали клуб, но, едва выйдя, они тут же нырнули в лимузин, лишая меня возможности проследить за ними пешком. Я почувствовала себя разочарованной.

В конце концов я решила, что должна подойти ко всей группе, рискуя тем, что дампирские распознают меня. Я не знала, разыскивает ли меня кто-то из Академии, и озаботятся ли они вообще моей персоной. Может, я слишком высокого мнения о себе. Скорее всего, никто на самом деле не волнуется по поводу какой-то сбежавшей недоучки. Однако если меня ищут, то мое описание, без сомнения, разослано по всему миру. Конечно, мне уже исполнилось восемнадцать, но я знала, что это не мешает некоторым разыскивать меня. А возвращаться в Америку, не найдя Дмитрия, я не собиралась.

И вот, как раз когда я обдумывала, как подойти к этим мороям, одна из дампирских женщин встала из-за столика и направилась к бару. Стражи, конечно, поглядывали на нее, но, похоже, были уверены в ее безопасности и сосредоточили свое основное внимание на мороях. Я все время считала, что лучшим источником информации о городе дампиров и «кровавых шлюх» могут быть морои-мужчины, но внезапно меня осенило: кого лучше расспросить об этом, как не саму «кровавую шлюху»?

Я встала из-за столика и с небрежным видом подошла к бару, будто бы заказать выпивку. Женщина ждала бармена, а я стояла рядом и боковым зрением изучала ее. Блондинка, в длинном платье с серебряными блестками. Я не могла решить, каким по сравнению с ее нарядом выглядело мое черное облегающее платье – сделанным со вкусом или просто скучным. Ее движения – даже то, как она стояла, – отличались грацией, словно у танцовщицы. Бармен был занят другими, и я поняла: сейчас или никогда. И наклонилась к ней.

– Вы говорите по-английски?

Она удивленно подскочила и обернулась ко мне. Женщина оказалась старше, чем я ожидала, – возраст скрывал искусный макияж. Голубые глаза быстро, оценивающе оглядели меня, она поняла, что я дампир.

– Да, – настороженно ответила она.

Даже в одном-единственном слове слышался сильный акцент.

– Я ищу город... город в Сибири, где живет много дампиров. Вы не знаете такого? Мне обязательно нужно найти его.

Она снова изучающе оглядела меня, и я не смогла расшифровать выражение ее лица. Пожалуй, она вполне могла быть стражем. Или, по крайней мере, некогда проходила обучение. Может быть, какое-то время.

– Нет, – ответила она резко. – Выкиньте это из головы.

Она отвернулась к бармену, смешивающему для кого-то голубой коктейль, украшенный вишенками.

Я коснулась ее плеча.

– Я должна найти этот город. Есть один мужчина...

Я задохнулась, произнеся это слово. Вот тебе и хладнокровное расспрашивание. От одной мысли о Дмитрие сердце подскочило к горлу. Как могла я объяснить этой женщине, что, имея в руках лишь тоненькую ниточку, ищу мужчину, которого любила больше всех на свете, – мужчину, ставшего стригоем, которого теперь я должна убить? Перед моим внутренним взором возникли его теплые карие глаза, я почти чувствовала прикосновение его рук. Как могу я сделать то, ради чего пересекла океан?

«Сосредоточься, Роза. Сосредоточься».

Дампирка посмотрела на меня.

– Он того не стоит.

Она, конечно, неверно истолковала мои слова. Приняла за влюбленную девушку, преследующую бойфренда, – что отчасти соответствовало действительности.

– Ты слишком молода... Еще не поздно избежать такой судьбы. – Ее лицо по-прежнему ничего не выражало, но в голосе звучала печаль. – Перемени свою жизнь. И держись подальше отсюда.

– Вы знаете, где этот город! – воскликнула я, не потрудившись объяснить, что не собираюсь становиться «кровавой шлюхой». – Пожалуйста, скажите мне. Я должна добраться туда!

– Какие-то проблемы?

Мы обе обернулись и оказались лицом к лицу с одним из стражей. Проклятье! Может, охрану дампиры они и не рассматривали как первоочередную задачу, но, уж конечно, не упустили из вида, что кто-то досаждаст ей. Страж был лишь чуть старше меня, и я наградила его ослепительной улыбкой. Может, мое платье не выглядело так, будто вот-вот свалится, как у той женщины, но короткая юбка весьма впечатляюще обтягивала бедра. Он хоть и страж, но вряд ли невосприимчив к таким вещам. Увы, именно так и обстояло дело в данном случае. Жесткое выражение его лица не изменилось; значит, мое очарование не сработало. Тем не менее почему бы не попытать счастья и не расспросить его?

– Я ищу город в Сибири. Город, где живут дампиры. Не знаете такого?

– Нет.

Замечательно! Оба не желали идти навстречу.

– Может, ваш босс знает? – кротко спросила я, надеясь, что произвожу впечатление начинающей «кровавой шлюхи». Если дампиры не хотят отвечать, может, один из мороев скажет? – Вдруг хочет общества и поговорит со мной?

– У него уже есть общество, – бесстрастно ответил страж. – Больше ему никто не нужен.

– Вы уверены? – промурлыкала я, продолжая улыбаться. – Может, лучше спросить его самого?

– Нет, – отрезал страж.

В одном-единственном слове прозвучали и вызов, и приказ. «Отвали». Он не колеблясь расправился бы с любым, кто, по его мнению, представлял угрозу для хозяина – даже с неприятельной дампиркой. Мысль продолжить гнуть свою линию я тут же отбросила, решив последовать предостережению и действительно отвалить.

Я пожала плечами, будто меня все это мало волнует.

– Ему же хуже.

И без дальнейших слов направилась к своему столику с таким видом, будто отказ ответить на мой вопрос не имеет особого значения. Шла я, затаив дыхание, поскольку отчасти ожидала, что страж вышвырнет меня из клуба за волосы. Ничего такого, однако, не произошло.

Тем не менее, беря легкую куртку и оставляя на столе деньги, я все время чувствовала на себе его взгляд, настороженный и оценивающий.

Я покинула «Соловей» с невозмутимым видом и вышла на оживленную улицу. Стоял субботний вечер, и поблизости находилось множество других ресторанов и клубов. Завсегда-таи вечеринки заполнили улицы, одни – одетые так же роскошно, как посетители «Соловья», другие, примерно моего возраста, в повседневной одежде. За огромными окнами ресторанов проглядывали элегантные обеденные залы и ломящиеся от еды столики. Пробираясь сквозь толпу, слыша вокруг исключительно русскую речь, я сдерживала желание оглянуться; не хотелось усиливать подозрения стража, если он продолжает наблюдать за мной.

Тем не менее, свернув на тихую улочку, ведущую к отелю, я услышала негромкие звуки шагов. Видимо, мое поведение все же насторожило стража, раз он решил последовать за мной. Я не собиралась давать ему никакого преимущества перед собой. Может, я мельче его – и вдобавок в платье и на каблуках, но мне приходилось сражаться со многими мужчинами, включая стригоев. Я знала, что в состоянии справиться с этим парнем, в особенности если использую фактор неожиданности. Я уже хорошо знала эти места, все повороты и закоулки здешних улочек. Ускорив шаг, я несколько раз свернула и вышла в темный, пустынный проулок. Страшно-вато, да, но это было хорошее место для засады. Я юркнула в подъезд и сняла туфли на высоких каблуках, черные, с кожаными ремешками, не идеальные в качестве оружия, разве что глаз можно выколоть каблуком. А что? Неплохая идея. Но нет, я пока не докатилась до этого. Без туфель стоять на тротуаре было холодно, тем более что днем прошел дождь.

Долго ждать мне не пришлось. Спустя несколько мгновений я услышала шаги и увидела на земле длинную тень моего преследователя, отбрасываемую мерцающим светом уличного фонаря на соседней улице. Он остановился, явно выискивая меня. Какой, однако, неосторожный парень! Что это за страж, так открыто преследующий кого-то? Нужно было красться потихоньку и, уж конечно, не выставляя себя напоказ. Может, здесь, в России, стражей учат хуже, чем у нас дома? Нет, вряд ли. Тогда Дмитрий не умел бы так великолепно расправляться со своими врагами. У нас в Академии его называли богом.

Мой преследователь прошел еще несколько шагов, и я сделала свой ход – выпрыгнула из подъезда, с кулаками наготове, и воскликнула:

– Ладно, я всего лишь хотела задать несколько вопросов, поэтому просто отвали или...

Я замерла. Передо мной стоял не страж из клуба. Это был человек.

Девушка, не старше меня, примерно моего роста, с коротко стриженными светлыми волосами, в темно-синем пальто, с виду дорогом. Под ним виднелись симпатичные брюки и выглядывали кожаные туфли, тоже явно недешевые. Удивительно, но я узнала ее. Дважды видела в «Соловье», как она беседует с мужчинами-мороями. Наверно, им нравилось с ней флиртовать – но не более того. Ну и что толку от человека?

Ее лицо отчасти утопало в тени, но даже при таком слабом освещении я разглядела, что она раздражена. Чего-чего, а этого я никак не ожидала.

– Это ведь ты? – спросила она. Новая неожиданность – ее английский звучал в точности как мой. – Ты – та, кто по всему городу оставляет тела убитых стригоев. Я видела тебя в клубе сегодня вечером и сразу поняла, что это ты.

– Я...

Я была в полной растерянности. Человек, так небрежно упоминаящий стригоев? Неслышанно! Наткнись я на стригоя здесь и сейчас, и то поразилась бы меньше. Никогда не сталкивалась ни с чем подобным. Она, казалось, не обратила внимания на мой ступор.

– Послушай, ты не можешь вот так просто разбрасывать трупы, сечешь? Знаешь, какое шило в заднице потом разбираться со всем этим? Интернатура – достаточно скверное времяпрепровождение и без неприятностей, которые ты устраиваешь. Местная полиция нашла тело,

оставленное тобой в парке. Ты даже представить себе не можешь, за сколько нитей мне пришлось потянуть, чтобы прикрыть это.

– Кто... Кто ты? – наконец спросила я.

Она сказала правду. Я оставила тело в парке, но что еще мне с ним было делать? Оттащить в отель и сказать коридорному, будто это мой друг, который перебрал?

– Сидни, – сказала девушка устало. – Меня зовут Сидни. Я алхимик, и меня распределили сюда.

– Что?

Она испустила тяжкий вздох и закатила глаза.

– Конечно. Это объясняет все.

– Ничего подобного. – Я наконец сумела взять себя в руки. – Фактически ты пока ничего не объяснила.

– Правильно, какую еще позицию ты можешь занять? Тебя послали тестировать меня? О господи! Так оно и есть!

Я уже начала заводиться. Не люблю, когда меня ругают. Особенно не люблю, когда меня ругает человек, заявляющий, будто убийство стригоя – это плохой поступок.

Внезапно накатила тошнота. Я напряглась, рука мгновенно потянулась к серебряному колу в кармане пальто. На лице Сидни по-прежнему сохранялось раздраженное выражение, однако сейчас, когда она заметила, что я изменила позу, к нему добавилось недоумение.

– Что такое?

– Похоже, тебе вот-вот предстоит разбираться еще с одним телом, – ответила я, и в то же мгновение стригой напал на нее.

Два

Со стороны стригоя это было проявлением «дурных манер» – наброситься на нее, а не на меня. Я таила в себе угрозу, поэтому вначале следовало нейтрализовать меня. Правда, Сидни оказалась между мной и нападающим, и он решил отделаться от нее. Схватив за плечо, он резко дернул ее на себя. Действовал стригой быстро – они все такие, – но я была полностью наготове.

Быстрый удар швырнул его к стене соседнего здания, заставив отцепиться от Сидни. Он заворчал и осел на землю в полном ошеломлении. Получить преимущество над стригоем нелегко – учитывая их молниеносные рефлексy. Теперь он полностью сосредоточился на мне – красные глаза горят, зубы оскалены, так что видны клыки. С противоестественной быстротой вскочив на ноги, он кинулся на меня. Я увернулась и попыталась ударить его, однако он тоже сумел увернуться и нанес мне удар в предплечье с такой силой, что я зашаталась, едва сумев сохранить равновесие. Кол был зажат у меня в правой руке, но для нанесения удара требовалось, чтобы он открыл грудь. Любой умный стригой всегда держится так, чтобы предотвратить удар. Этот парень, однако, явно был слабоват и, если бы я сумела какое-то время продержаться, рано или поздно открылся бы.

Как раз в этот момент в схватку вмешалась Сидни, ударив его по спине. Не очень сильно, но удар отвлек противника, и он открылся. Я навалилась на него всей тяжестью и буквально пригвоздила колом к стене, пронзив сердце. Выдернула кол, не сомневаясь, что он мертв, и смотрела, как тело падает на землю.

Возникло странное чувство – в точности как было с предыдущим стригоем.

«А что, если это Дмитрий?»

Я попыталась представить, что у стригоя лицо Дмитрия, что это он лежит передо мной. Сердце перевернулось в груди – на одно кратчайшее мгновение образ возник перед моим внутренним взором... и тут же исчез. Нет, это какой-то случайный стригой.

Я тряхнула головой, возвращаясь к действительности, и напонила себе, что у меня есть важные проблемы. Нужно заняться Сидни. Пусть она человек, но защита стала моей второй натурой, и не вмешаться я не могла.

– Ты в порядке?

Она кивнула. С виду она не пострадала, хотя явно была потрясена.

– Отличная работа. – Казалось, она изо всех сил старается выглядеть уверенной. – Я никогда... На самом деле я никогда не видела, как их убивают...

Ну да, как она могла такое видеть? Но с другой стороны, откуда ей известно обо всех этих делах? Поняв, что она все еще в шоке, я взяла ее за руку и отвела дальше.

– Давай убираться отсюда. Туда, где есть люди.

Чем дольше я думала об этом, тем больше мне казалось, что для стригоя прятаться рядом с «Соловьем» – не такая уж безумная идея. Где, как не в излюбленных местах скопления мороев следует их отслеживать? Оставалась, правда, надежда, что большинство стражей достаточно чутки, чтобы защитить своих подопечных в проулках наподобие этого.

Мое предложение сматываться вывело Сидни из ступора.

– Что? – воскликнула она. – Ты хочешь просто бросить его?

Я вскинула руки.

– А чего ты от меня ждешь? Можно засунуть его за мусорные контейнеры, пусть позже солнце испепелит тело. Обычно я именно так и поступаю.

– Здорово! А что, если приедут вывозить мусор? Или кто-нибудь выйдет из черного хода?

Сидни гневно тряхнула головой и направилась к телу. Наклонившись к стригое, она состроила гримасу, сунула руку в большую кожаную сумку и достала из нее маленький пузырек. Быстрым движением обрызгала тело жидкостью из пузырька и резко отступила. Там, где

капли коснулись труп, начал подниматься желтоватый дым, распространяясь во все стороны не столько вертикально, сколько горизонтально, так что в конце концов он полностью окутал тело стригоя. И продолжал сжиматься, сжиматься, пока не стал размером с мячик. Спустя несколько мгновений дым рассеялся и на земле осталась лишь безобидная горстка пыли.

– Что это было, черт побери? – воскликнула я.

– Моя работа. Может, будешь любезна вызвать меня в следующий раз, когда такое произойдет?

Она зашагала прочь.

– Постой! Как я могу вызвать тебя? Я понятия не имею, кто ты такая!

Она оглянулась, откинув с лица светлые волосы.

– Правда? Ты это серьезно? Я думала, во время учебы вам все объясняют про нас.

– Ну... Смешно, конечно, но я не закончила обучение.

У Сидни глаза полезли на лоб.

– Ты одолела одного из них... даже не закончив обучения?

Я пожала плечами. Несколько мгновений она растерянно молчала, потом вздохнула и сказала:

– По-моему, нам нужно поговорить.

Что мы и сделали. Встреча с ней была самым странным, что случилось со мной с тех пор, как я оказалась в России. Мне хотелось понять, почему, по ее мнению, я должна связываться с ней и как она уничтожила труп стригоя. Мы выбрались на людные улицы и отправились в ресторан, который ей нравился, и тут меня озарило – если она знает о мире мороев, то, может, ей известно и где находится город Дмитрия.

Дмитрий. Он снова всплыл в памяти. Я отнюдь не была уверена, что он прячется где-то около своего родного города, но на данном этапе никаких других соображений у меня не было. Лицо только что убитого стригоя и лицо Дмитрия слились в одно пятно: бледная кожа, глаза с красными кругами...

«Нет, – жестко одернула я себя. – Не думай сейчас об этом. Не паникуй».

Пока Дмитрий не стал стригоем, я черпала силу, вспоминая того Дмитрия, которого любила: его глубокие карие глаза, теплые руки, страстные объятия...

– С тобой все в порядке? Как, кстати, тебя зовут?

Сидни удивленно смотрела на меня; я осознала, что мы застыли у входа в ресторан. Не знаю, что выражало мое лицо, но, видимо, нечто привлекающее ее внимание. До этого момента, пока мы шли, у меня сложилось впечатление, что она не слишком рвется разговаривать со мной.

– Да, да, все прекрасно, – отрывисто бросила я, придав лицу выражение, характерное для стражей. – Меня зовут Роза. Это тот самый ресторан?

Да, это был он – ярко освещенный, оживленный, хотя и не такой роскошный, как «Соловей». Мы устроились в черной кожаной кабине – кожа, конечно, была ненатуральная, – и я с восхищением обнаружила в меню не только русскую, но и американскую еду. Названия блюд были переведены на английский, и у меня потекли слюнки, когда я увидела «жареного цыпленка». В том знаменитом клубе я ничего толком не ела, и мысль о хорошо прожаренном мясе казалась роскошью после недель дурацкого борща с капустой и так называемого «Макдоналдса».

Появилась официантка. Сидни сделала заказ на беглом русском, а я – тыча пальцем в меню. Ух! Сидни оказалась полна сюрпризов. Учитывая ее жесткий настрой в отношении меня, я ожидала, что она немедленно начнет допрос, однако, когда официантка ушла, Сидни хранила молчание, теребя салфетку и избегая встречаться со мной взглядом. Странно. Она определенно чувствовала себя неловко в моем обществе. Нас разделял стол, но, казалось, ей хоте-

лось отстраниться еще дальше. А ведь она не притворялась, когда раньше сердилась на меня, и явно стремилась неуклонно следовать каким-то своим правилам.

Пусть прикидывается скромницей, если есть такое желание, но я не колеблясь ринулась головой в омут, затронув скользкие темы. Такая уж у меня натура.

– Ты готова рассказать мне, кто ты и чем занимаешься?

Сидни подняла взгляд. Сейчас, при ярком освещении, я разглядела, что глаза у нее карие, а на нижней части левой щеки интересная татуировка, причем сделанная золотыми чернилами. Никогда прежде такого не видела – искусное изображение цветов и листьев, реально различимое лишь при определенном положении головы.

– Я уже сказала, – ответила она. – Я – алхимик.

– А я заявила, что понятия не имею, что это такое. Какое-то русское слово?

По ее губам скользнула еле заметная улыбка.

– Нет. Я так понимаю, ты никогда прежде не слышала об алхимии?

Я покачала головой, а она оперлась подбородком на руку и снова уставилась в стол. Сглотнула, словно собираясь с духом, и заговорила.

– Во времена Средневековья были люди, убежденные, что стоит им найти правильную формулу или магическое заклинание, и они смогут превращать свинец в золото. Неудивительно, что у них ничего не получалось. Это, однако, не останавливало их. Они исследовали всякие мистические и сверхъестественные приемы и в конце концов кое-что магическое обнаружили. – Она нахмурилась. – Вампиров.

Мысленно я вернулась к урокам моройской истории. Именно во времена Средневековья мы начали отделяться от людей, прячась и предпочитая общество себе подобных. Именно в те времена вампиры стали мифом, и даже к мороям относились как к монстрам, которых нужно преследовать.

Сидни словно прочла мои мысли.

– И как раз в это время морои начали избегать людей. Да, они владели своей магией, но люди все больше и больше превосходили их численно. Так обстоит дело и сейчас. – Она еле заметно улыбнулась. У мороев с зачатием существуют проблемы, не то что у людей. – И морои заключили сделку с алхимиками: алхимики будут помогать сообществам мороев и дампиров оставаться тайной для людей, за что морои дарят нам вот это.

Она дотронулась до своей золотистой татуировки.

– Что это? – спросила я. – Помимо того, что видно простым глазом.

Она погладила татуировку кончиками пальцев.

– Мой ангел-хранитель. – В ее голосе прозвучала ирония. – Там действительно есть золото, а также... – она состроила гримасу и опустила руку, – моройская кровь, магически смешанная с землей и водой.

– Что?

Мой голос прозвучал слишком громко, и некоторые люди повернулись в нашу сторону. Сидни, понизив тон, продолжила рассказ, не скрывая горечи:

– Я вовсе не в восторге от этой «награды» за помощь вам. Вода и земля помогают крови впитаться в кожу и придают нам некоторые характерные особенности мороев – ну, всего пару, по правде говоря. Я почти никогда не болею и буду жить долго.

– По-моему, неплохо, – неуверенно заметила я.

– Возможно. У нас нет выбора. Это семейное... передается из рода в род. Нам всем рассказывают о мороях и дампирах. Мы налаживаем связи с нужными людьми, поскольку можем общаться с ними более свободно, и это позволяет нам покрывать вас. Нас учат разным трюкам и техническим приемам, чтобы избавляться от тел стригоев – вроде того зелья, которое ты видела. Мы же стремимся держаться в стороне, насколько это возможно, – вот почему дампирам рассказывают о нас перед самым окончанием школы. А морои вообще ничего не знают.

Она резко смолкла, и я поняла: урок окончен.

Голова у меня шла кругом. Я никогда не думала ни о чем подобном... Поймите! Не думала? Обучение стражей в основном делает упор на физических аспектах: бдительность, боевые искусства и так далее. И все же до меня доходили неясные слухи о людях, помогающих мороям скрываться или выпутываться из опасных ситуаций. Я никогда особенно не задумывалась об этом, а термин «алхимик» действительно не слышала. Вот если бы я осталась в школе...

Конечно, это не мое дело, но натура взяла свое, и я не могла не спросить:

– Это как бы амулет? Почему вы бережете его только для себя? Почему не поделитесь со всем человеческим миром?

– Потому что в него заложено еще кое-что – оно не позволяет нам говорить ни о чем, что может привести к обнаружению мороев.

Амулет или заклинание, мешающее проболтаться... подозрительно похоже на принуждение. Принуждением в какой-то степени владеют все морои, и еще они способны «заряжать» своей магией предметы, наделяя их определенными возможностями. На протяжении долгих лет магия мороев претерпела изменения, и сейчас принуждение считается аморальным. Видимо, эта татуировка включала в себя очень, очень старое заклинание, изобретенное много веков назад.

Чем больше я думала над словами Сидни, тем сильнее меня одолевали вопросы.

– Почему... Почему вы стремитесь держаться в стороне от нас? В смысле, я не имею в виду дружбу или даже более близкие отношения, но...

– Потому что это наш долг перед Богом – защищать остальное человечество от злобных созданий ночи.

Ее рука произвольно потянулась к воротнику, и передо мной на мгновение мелькнул золотой крестик.

Мне стало неловко, поскольку сама я не слишком религиозна. Фактически мне всегда было не по себе рядом с истинно верующими. Спустя полминуты, однако, до меня в полной мере дошел смысл ее слов.

– Пойми-ка! – возмутилась я. – Ты имеешь в виду нас – вампиров и мороев? Мы все, что ли, злобные создания ночи?

Она уронила руку, но не ответила.

– Мы не такие, как стригои! – взорвалась я.

Ее лицо по-прежнему оставалось бесстрастным.

– Морои пьют кровь. Вампиры – чудовищные отпрыски мороев и людей.

Никто никогда прежде не называл меня чудовищной – разве что когда я поливала кетчупом тако¹. А что еще делать, если просто так невкусно?

– Морои и вампиры не злобные создания, – сказала я. – Не такие, как стригои.

– Это правда, – признала она. – Стригои более злобные.

– Нет, я не то имела в...

Нам принесли еду, и жареный цыпленок почти загасил во мне возмущение от того, что нас равняют со стригоями. По крайней мере, он дал мне отсрочку от немедленного ответа на ее заявления, и я впилась зубами в хрустящую золотистую корочку. Сидни заказала чизбургер с картошкой фри и принялась изящно «клевать» свою еду.

Покончив с ногой цыпленка, я наконец снова обрела способность спорить.

– Мы вообще не похожи на стригоев. Морои не убивают. У вас нет оснований бояться нас.

Я вовсе не испытывала сильного желания втираться в доверие к людям, как и все мы, – учитывая их агрессивность и склонность экспериментировать с тем, чего не понимают.

¹ Тако – мексиканский пирожок из кукурузной лепешки со сложной начинкой. (Здесь и далее прим. перев.)

– Любой человек, которому известно о вас, неизбежно узнает и о стригоях, – ответила она, не столько поглощая свою картошку, сколько играя с ней.

– Знание о стригоях может помочь людям защитить себя.

Какого черта я разыгрываю тут адвоката дьявола?

Она перестала вертеть в руках ломтик картошки и уронила его на тарелку.

– Возможно. Однако мысль о бессмертии может оказаться чрезвычайно искушающей для множества людей – даже ценой того, чтобы в обмен на него превратиться в исчадие ада. Ты удивишься, сколько людей именно так реагируют, когда узнают о вампирах. Бессмертие – огромный соблазн, несмотря на зло, которым оно сопровождается. Многие люди, узнав о стригоях, захотят служить им в надежде на то, что в конечном счете их обратят.

– Это безумие...

Я оборвала себя. В этом году мы обнаружили доказательства того, что люди помогают стригоям. Стригой не выносят прикосновения к серебряным колам, а людям хоть бы что, и некоторые из них с помощью таких колов разрушали морейские защитные кольца. Неужели потому, что этим людям было обещано бессмертие?

– Вот почему, – заговорила Сидни, – с нашей стороны разумнее сделать так, чтобы никто не знал о вас. Вас не существует – всех вас, – и с этим ничего не поделаешь. Вы делаете свое дело, уничтожая стригоев, а мы свое – и при этом спасаем все остальное человечество.

Обглаживая крыло цыпленка, я старалась не вникать в то, что подразумевалось под словами о спасении человечества от таких, как, к примеру, я. В некотором роде ее слова имели смысл. Появляться во внешнем мире и всегда оставаться незамеченными – это практически для нас неосуществимо. И да, вынуждена признать – кто-то должен избавляться от тел стригоев. Люди, работающие с морями, – идеальный выбор для таких дел. Они могут свободно перемещаться по миру, в особенности если имеют контакты и связи, на которые она намекала.

Я перестала жевать, вспомнив, о чем думала по дороге сюда. Заставила себя проглотить и сделала большой глоток воды.

– Еще вопрос. У тебя контакты по всей России?

– К несчастью, – ответила она. – По достижении восемнадцати лет мы проходим интернатуру, для получения собственного опыта и завязывания всевозможных связей. Я предпочла бы остаться в Юте.

Это звучало даже более невероятно, чем все предыдущее. Я, однако, не стала давить на нее.

– Какого рода связи?

Она пожала плечами.

– Мы отслеживаем перемещения множества мороев и дампиров. Одновременно у нас есть знакомства в высокопоставленных кругах – как среди мороев, так и среди людей. Если у кого-либо из людей возникают подозрения насчет вампиров, обычно мы находим влиятельного чиновника, который может подкупить этого человека или воздействовать другим методом.

«Отслеживаем перемещения множества мороев и дампиров».

Вот оно! Я перегнулась через стол и понизила голос.

– Я разыскиваю город, город дампиров в Сибири. Названия не знаю. – Дмитрий только однажды упоминал это название, и оно вылетело из памяти. – Он рядом с... Как это? Ом?

– Омск, – поправила Сидни.

Я выпрямилась.

– Ты его знаешь?

Ответила она не сразу, но глаза выдали ее.

– Возможно.

– Знаешь! – воскликнула я. – Расскажи мне, где он. Я должна добраться туда.

Она состроила гримасу.

– Хочешь стать одной из... этих?

Значит, алхимикам известно о «кровавых шляхах». Неудивительно. Если Сидни и ее товарищи знают все о мире вампиров, они должны знать и об этом.

– Нет, – высокомерно ответила я. – Просто ищу кое-кого.

– Кого?

– Кое-кого.

На ее губах снова мелькнула улыбка, глаза смотрели задумчиво. Сидни съела еще один ломтик картошки. Она лишь дважды откусила от чизбургера, и он уже начал остывать. В принципе я не возражала бы сама доесть его.

– Сейчас вернусь, – сказала она неожиданно, встала и зашагала через весь зал в тихий уголок ресторана.

Достала из своей магической сумки мобильник, повернулась спиной к залу и позвонила.

К этому времени я уже разделалась с цыпленком и не могла удержаться – принялась таскать картошку Сидни, поскольку казалось маловероятным, что она будет доедать ее. И размышляла о том, возможно ли это – чтобы найти город Дмитрия оказалось вот так просто. А когда я окажусь там... будет ли так же просто? И когда встречу с ним, смогу ли вонзить серебряный кол в его сердце? Снова передо мной возник образ, который я все время гнала от себя, – Дмитрий с красными глазами и...

– Роза?

Я заморгала, полностью выпав из реальности, а между тем Сидни вернулась и уселась на свое место.

– Похоже... – Она смолкла и перевела взгляд вниз. – Ты ела мою картошку?

Понятия не имею, как она догадалась, учитывая, какую большую порцию картошки ей принесли. Я едва не допустила промах. Если выяснится, что я украдкой ела ее фри, это послужит еще одним доказательством того, что я «злое создание ночи».

– Нет, – беззаботно ответила я.

Она нахмурилась, раздумывая, и потом заявила:

– Я знаю, где этот город. Я там бывала.

Я выпрямилась. Черт побери! Это вот-вот произойдет, на самом деле, после всех недель поисков! Сидни объяснит мне, где это, я могу отправиться туда и попытаться закрыть эту ужасную главу своей жизни.

– Спасибо тебе, спасибо огромное...

Она предостерегающе вскинула руку, и только сейчас я заметила, какой несчастный у нее вид.

– Но я не стану сообщать тебе, где это.

У меня отвисла челюсть.

– Что?

– Мне придется отвезти тебя туда.

Три

– Что? Что? – пролепетала я.

Это не входило в мои планы. Ни в коей мере не входило. Я намеревалась перемещаться по России инкогнито – насколько это возможно. Плюс мне вовсе не улыбалась мысль иметь попутчицу, которая ненавидит меня. Я понятия не имела, сколько нужно времени, чтобы добраться до Сибири, – пару дней, мне казалось, – и все это время слушать рассуждения Сидни о том, какое я ужасающее, злобное создание? Ну уж нет!

Я проглотила негодование, призвав на помощь все свое благоразумие. В конце концов, это я просила об одолжении.

– В этом нет никакой необходимости. – Я заставила себя улыбнуться. – Спасибо за предложение, это очень мило с твоей стороны, но не хотелось бы причинить тебе беспокойство.

– По-другому не получится, – сухо ответила она. – И это вовсе не «мило» с моей стороны. Это даже не мой выбор. Приказ начальника.

– Звучит так, будто для тебя это заноза в заднице. Почему бы тебе просто не рассказать мне, где это, а начальству навешать лапшу на уши?

– Ты понятия не имеешь о людях, на которых я работаю.

– А к чему мне это? Я только и делаю, что игнорирую начальство. Это нетрудно, стоит лишь привыкнуть.

– Да? И как это сработает в случае с нахождением этого города? – насмешливо спросила она. – Послушай, есть только один способ добраться туда, если ты, конечно, этого хочешь.

Это единственный способ добраться туда, если я решу воспользоваться информацией Сидни. Всегда остается возможность продолжать отираться в «Соловье»... но кто знает, сколько времени уйдет, пока я узнаю то, что меня интересует? А Сидни вот она, прямо передо мной, с информацией, которая мне нужна.

– Зачем? – спросила я. – Зачем тебе нужно ехать тоже?

– Этого я не могу сказать. Важен итог: мне велели ехать.

Прекрасно! Я уставилась на нее, пытаюсь вычислить, что происходит. Почему кого-то – пусть даже единственных людей, осведомленных о морейском мире, – волнует, куда направляется юная девушка-дампирка? Я не думала, что у самой Сидни есть какие-то скрытые мотивы... разве что она очень, очень хорошая актриса. Ясно было одно – люди, с которыми она связывалась, имеют какие-то свои планы, и мне отнюдь не улыбалось стать участницей неизвестно чьего плана. В то же время я жаждала быстрее разделаться с этим. Не хотелось впустую тратить время.

– Как скоро мы отправимся? – спросила я наконец.

По-видимому, Сидни просто мелкий клерк. Нельзя сказать, что она так уж умело выследила меня раньше. Будет нетрудно отвязаться от нее, как только мы окажемся рядом с городом Дмитрия.

Мой ответ, похоже, разочаровал ее, словно она надеялась, что я откажусь от своей затеи и для нее на этом все закончится. Она хотела ехать со мной не больше, чем я с ней. Открыв сумку, она снова достала мобильник, пару минут трудилась над ним и в конце концов показала мне расписание на завтрашний день.

– Понимаешь?

Изучив экран, я кивнула.

– Я знаю, где этот вокзал, и могу добраться туда.

– Хорошо. – Она встала, бросив на стол деньги. – Увидимся завтра. – Она зашагала к выходу, но по дороге обернулась. – Ох, и можешь доесть мою картошку.

Впервые приехав в Россию, я остановилась в студенческом общежитии. У меня хватило бы денег поселиться где угодно, но я предпочитала находиться в контролируемом месте. Кроме того, роскошь меня волновала меньше всего. Однако потом, начав посещать «Соловей», я поняла, что вряд ли смогу в платье от модного дизайнера возвращаться в общежитие, где обитают студенты.

Поэтому сейчас я жила в шикарном отеле с вестибюлем с мраморным полом и швейцарами, придерживающими для меня дверь. Этот вестибюль был такой огромный, что, наверно, все студенческое общежитие могло бы разместиться в нем. А может, даже два. Мой номер тоже был расточительно велик. Я была счастлива оказаться в нем и избавиться от туфель на высоких каблуках и платья. Подумав, что платья, купленные в Санкт-Петербурге, мне придется просто бросить здесь, я почувствовала совсем крохотный укол сожаления. Не хотелось мотаться по стране с большим багажом. Ох, ладно! Не сомневаюсь, эти платья очень обрадуют уборщицу. Единственным украшением, в котором я действительно нуждалась, был мой назар, кулон, по виду похожий на голубой глаз. Его мне подарила мать, а ей, в свою очередь, мой отец. Я всегда носила его на шее.

Наш поезд в Москву отходил поздно утром, а там мы должны были пересестись на другой, отправляющийся в Сибирь. Я хотела как следует отдохнуть перед поездкой. Надела пижаму и свернулась калачиком под тяжелым ватным одеялом, надеясь быстро уснуть. Не тут-то было. Недавние события снова и снова прокручивались в сознании. Ситуация с Сидни была, конечно, странная, но с ней я справлюсь. Пока мы находимся в общественном транспорте, она вряд ли сможет заманить меня в лапы своих таинственных начальников. И, по ее словам, мы доберемся до города всего через несколько дней или около того. Четыре дня! Это казалось таким невыносимо долгим сроком – и таким невыносимо коротким.

Это означало, что я, возможно, встречу с Дмитрием через несколько дней... и что тогда? Смогу ли я сделать то, что задумала? Смогу ли принудить себя убить его? И даже если да, хватит ли у меня умения одолеть его? Эти вопросы, которые я без конца задавала себе последние две недели, продолжали терзать меня и сейчас. Это Дмитрий научил меня всему, что я знаю, а теперь, с усиленными рефлексам стригоя, он поистине станет богом, как я всегда в шутку называла его. Моя гибель была вполне реальна.

Но какой смысл тревожиться об этом сейчас? Бросив взгляд на комнатные часы, я обнаружила, что лежу без сна уже почти час. Скверно. Я должна быть в максимально хорошем состоянии. Поэтому я сделала то, что, я знала, делать не следовало, но что всегда помогало избавиться от беспокойных мыслей – главным образом, потому, что при этом я оказывалась в чужой голове.

В последнее время проскользнуть в голову Лиссы для меня не составляло особого труда. Я не знала, сумею ли сделать это сейчас, когда мы далеко друг от друга, но оказалось, что процесс мало чем отличался от того, каким он был бы, если бы я стояла рядом с ней.

В Монтане было позднее утро субботы, и у Лиссы не было уроков. Покинув школу, я прикладывала массу усилий, мысленно воздвигая между нами стены, почти полностью блокируя ее и чувства, которые она испытывала. Теперь, когда я оказалась внутри ее, все барьеры рухнули и ее эмоции затопили меня, словно приливная волна. Она была рассержена, жутко рассержена.

– Почему она воображает, что достаточно ей просто щелкнуть пальцами, и я отправлюсь туда, куда она пожелает, и в любое время, когда она пожелает? – проворчала Лисса.

– Потому что она королева. И потому что ты заключила сделку с дьяволом.

Лисса и ее бойфренд, Кристиан, расположились на чердаке школьной церкви. Едва осознав, где они, я чуть не выскочила из ее головы. У них неоднократно происходили тут «романтические» свидания, и мне не хотелось снова стать свидетельницей того, как они срывают друг

с друга одежду. К счастью – а может, и нет, – судя по ее раздраженному состоянию и скверному настроению, сегодня секс не предвиделся.

В этом определенно была некоторая ирония – они как бы поменялись ролями. Лисса сердилась, Кристиан оставался спокойным и собранным, ради нее, естественно. Он сидел на полу, прислонившись к стене, и крепко прижимал к себе Лиссу.

– На протяжении нескольких последних недель я делала все, что она просила! «Василиса, пожалуйста, покажи этим тупым королевским гостям кампус». «Василиса, пожалуйста, прилетай на выходные, чтобы я могла представить тебя кое-каким скучным чиновникам здесь, при дворе». «Василиса, пожалуйста, проводи часть свободного времени с младшими школьниками. Это будет засчитано тебе как плюс».

Раздражение Лиссы не помешало мне слегка позабавиться. Слишком точно она копировала голос и интонации Татьяны!

– Последнее ты сделала бы и по доброй воле, – заметил Кристиан.

– Смысл-то как раз в том, чтобы по доброй воле. Ненавижу, что в последнее время она лезет со своими указаниями в мою жизнь!

Кристиан наклонился и поцеловал ее в щеку.

– Как я уже заметил, ты заключила сделку с дьяволом. Теперь ты ее любимица. Она хочет благодаря тебе выглядеть хорошо.

Лисса нахмурилась. Хотя морои живут на территории стран, управляемых людьми, и являются подданными их правительств, ими правят король или королева, выходцы одной из двенадцати моройских королевских семей. Сейчас у власти королева Татьяна – Ивашкова, – и она проявляла особый интерес к Лиссе как к единственной оставшейся в живых представительнице семьи Драгомир. С учетом этого Татьяна заключила с Лиссой сделку. Если Лисса после окончания школы поселится при дворе, королева устроит так, что она сможет учиться в университете Лихай в Пенсильвании. Лисса стремилась получить хорошее образование и думала, что жизнь при дворе Татьяны стоит обучения в довольно крупном, престижном университете, а не в каком-нибудь мелком, захудалом, куда обычно поступают морои (из соображений безопасности).

Правда, очень быстро выяснилось, что сделка уже сейчас накладывает на нее массу обязательств.

– Я просто «глотаю» все, что она говорит, – сказала Лисса. – Просто улыбаюсь и говорю: «Да, ваше величество. Все, что пожелаете, ваше величество».

– Тогда заяви ей, что расторгаешь сделку. Через пару месяцев тебе исполнится восемнадцать. Принудить тебя нельзя, из королевской ты семьи или нет. Ты не нуждаешься в ней, чтобы поступить в высшую школу. Мы просто уедем вдвоем, ты и я. Поступим в любой колледж, куда захотим. Или не станем поступать в колледж. Можно взять и поехать в Париж или еще куда-нибудь, работать там в каком-нибудь маленьком кафе. Или продавать на улицах скверные картины.

Это заявление заставило Лиссу рассмеяться, и она прижалась к Крестину.

– Прямо вижу, как ты работаешь официантом. Да тебя уволят в первый же день. Для нас единственный способ выжить – это мне поступить в колледж и содержать нас.

– Знаешь, есть другие способы поступить в колледж.

– Да, но не все колледжи так хороши, как этот, – с тоской в голосе ответила Лисса. – И не все способы так легки. Этот – единственно разумный способ. Мне ужасно хочется попасть туда, но в то же время я хочу научиться хоть отчасти перечить ей. Вот Роза смогла бы.

– Розу арестовали бы за измену в первый же раз, как Татьяна попросила бы ее сделать что-то.

Лисса грустно улыбнулась.

– Да. Скорее всего. – Она вздохнула. – Я так скучаю по ней.

Кристиан снова поцеловал ее.

– Знаю. – Они постоянно возвращались к этой теме, поскольку привязанность Лиссы ко мне никогда не ослабевала. – С ней все хорошо. Где бы она ни была, с ней все хорошо.

Лисса устремила взгляд в полумрак чердака. Свет туда проникал через единственное окно с цветными стеклами, что отчасти создавало впечатление уголка сказочной страны. Не так давно мы с Дмитрием там хорошенько убрались. Всего пару месяцев назад, но пыль и коробки уже начали накапливаться снова. Тамошний священник был человек приятный, но чем-то похож на древесную крысу. Любил все таскать в свою нору. Впрочем, Лисса ничего этого не замечала. Ее мысли сосредоточились на мне.

– Надеюсь. Хотелось бы мне примерно представлять, где она. Думаю, если бы что-то случилось с ней, если бы она... – Лисса не смогла закончить свою мысль. – Я бы узнала об этом. Почувствовала бы. Я знаю, наша связь односторонняя... и этого не изменишь. Но я ведь узнала бы, если бы что-то случилось с ней?

– Не знаю, – ответил Кристиан. – Может, да, а может, нет.

Любой другой парень сказал бы что-нибудь успокаивающее, заверил бы Лиссу, что да, да, конечно, она узнала бы. Однако честность была второй натурой Кристиана, и Лиссе в нем это нравилось. И мне тоже. Такое свойство не всегда делало его легким и приятным в общении, но, по крайней мере, была уверенность, что он никому не морочит голову.

Она снова вздохнула.

– Адриан говорит – с ней все в порядке. Он проникает в ее сны. Я что угодно отдала бы, чтобы уметь делать это. Мои целительские способности усиливаются, я начинаю различать ауру, но сны пока мне недоступны.

Понимание того, что Лисса скучает по мне, причиняло сильную боль, лучше бы она попыталась вычеркнуть меня из памяти. Даже негодую по поводу того, что она пыталась распоряжаться мной и моей жизнью, я не испытывала к ней недобрых чувств. Я люблю ее как сестру; мысль о том, что сейчас она страдает из-за меня, была невыносима. Как получилось, что наши отношения настолько испортились?

Они с Кристианом продолжали сидеть в уютном молчании, подпитывая друг друга любовью и силой. У них, как и у нас с Дмитрием, присутствовало ощущение такого единения и близости, когда слова порой не нужны. Он поглаживал ее волосы, и хотя я не могла видеть Лиссу, поскольку смотрела ее глазами, не составляло труда представить, как эти светлые волосы мерцают в радужном свете, льющемся сквозь цветные стекла. Заправив ей за ухо длинный локон, он повернул ее голову к себе и прижался губами к ее губам. Поначалу поцелуй был легким, нежным, но постепенно становился все более страстным и жарким.

«Ой-ё-ёй!» – подумала я.

Наверно, сейчас самое время исчезнуть, но поцелуй закончился прежде, чем я сделала это.

– Пора, – сказала она с сожалением. – Нужно идти.

Судя по выражению льдисто-голубых глаз Кристиана, он придерживался другого мнения.

– Может, сейчас для тебя самое подходящее время воспротивиться королеве. Просто останься здесь – великолепный способ проявить характер.

Лисса легонько ткнула его локтем, поцеловала в лоб и встала.

– Ты вообще не поэтому хочешь, чтобы я осталась, даже не трудись морочить мне голову.

Они покинули церковь. Кристиан бормотал что-то насчет того, что он и не собирался морочить ей голову, за что получил еще один тычок локтем. Они направлялись к административному зданию в самом центре кампуса. Если не считать первых признаков весны, все было точно так же, как когда я покинула школу – по крайней мере, внешне. Каменные здания выглядели такими же впечатляющими; высокие древние деревья по-прежнему стояли на страже. В душах персонала и студентов, однако, изменения произошли. Практически на всех остались

шрамы после ужасного нападения стригоев. Многие наши люди погибли, и хотя занятия снова начались, все еще оплакивали ушедших.

Лисса с Кристианом подошли к административному зданию. Она не знала, зачем ее вызывают – помимо того, что Татьяна хотела, чтобы она встретила с каким-то только что прибывшим в Академию мужчиной королевского рода. В последнее время Татьяна постоянно заставляла ее встречаться с самыми разными людьми, поэтому Лисса особенно не задумывалась об этом. Они с Кристианом поднялись в главный офис, где обнаружили директрису Кирову, беседующую с пожилым мороем и девушкой примерно нашего возраста.

– Ах, мисс Драгомир! Вот и вы.

Пока я училась в школе, у меня то и дело возникали неприятности с Кировой, однако сейчас при виде ее мной овладела ностальгия. Что такое временное отстранение от занятий за драку в классе по сравнению с долгим, утомительным путешествием через всю Сибирь в поисках Дмитрия? Облик Кировой нимало не изменился – в нем по-прежнему проглядывало что-то птичье и те же очки болтались на кончике носа. Мужчина с девушкой встали, и Кирова сделала жест в их сторону.

– Это Евгений Лазар и его дочь Эйвери. – Кирова снова повернулась к Лиссе. – А это Василиса Драгомир и Кристиан Озера.

Последовал обычный обмен любезностями. Лазар принадлежал к королевской семье – надо полагать, именно поэтому Татьяна и настаивала на этой встрече. Мистер Лазар обворожительно улыбнулся Лиссе, пожимая ей руку. Присутствие Кристиана, казалось, чуточку удивило его, но улыбка не угасла. Конечно, такого рода реакция на Кристиана была в порядке вещей.

Стригоем можно стать двумя способами: по собственному выбору или по принуждению. Стригой может насильно обратить другого – человека, мороя или дампира, – напившись его крови, а потом заставив выпить своей. Именно это произошло с Дмитрием. Второй способ стать стригоем уникален в среде мороев. Если морой сознательно убьет другого, выпив всю его кровь, он также станет стригоем. Обычно морои пьют кровь понемногу и только тех людей, которые соглашаются на это добровольно. Однако выпить столько, чтобы полностью лишиться другого жизненной силы? Это означает для мороя перейти на темную сторону, в результате чего он лишается своей магической силы и превращается в порченого, не-мертвого.

Именно это и сделали родители Кристиана. Они по доброй воле совершили убийство и стали стригоями – ради того, чтобы обрести вечную жизнь. Кристиан никогда не проявлял ни малейшего желания стать стригоем, но все вели себя с ним так, как будто он на грани этого. (Надо сказать, этому способствовала и его резкая манера поведения.) От его ближайших родственников, хотя и принадлежащих к королевской семье, все – и совершенно несправедливо – старались держаться подальше. Действуя совместно во время последнего нападения, мы с ним расправились со множеством стригоев. Слух об этом быстро распространился, что способствовало улучшению его репутации.

Кирова не из тех, кто тратит время на формальности, поэтому она сразу перешла к делу.

– Мистер Лазар будет новым директором школы.

Лисса по инерции продолжала вежливо улыбаться, но при этих словах ее голова дернулась в сторону Кировой.

– Что?

– Для меня пришло время уступить свою позицию. – Голос Кировой звучал ровно и бесстрастно – почище, чем у любого стража. – Хотя я продолжу работать в школе учителем.

– Вы собираетесь учить? – скептически спросил Кристиан.

Она бросила на него холодный взгляд.

– Да, мистер Озера. Собственно, именно с этой целью я первоначально и пошла работать в школу. Думаю, приложив определенные усилия, я вспомню, как это делается.

– Но почему? – спросила Лисса. – Вы прекрасно справляетесь со своей работой.

Более-менее правдиво. Несмотря на свои столкновения с Кировой – в основном из-за нарушения школьных правил, – я испытывала к ней большое уважение. И Лисса тоже.

– Я уже давно подумывала о возвращении к своей изначальной роли, и сейчас момент ничуть не хуже любого другого. Мистер Лазар очень способный администратор.

Что Лисса умела делать очень хорошо, это чувствовать людей. Наверно, это один из побочных эффектов духа, наряду с другим, делающим его пользователей очень харизматическими. Лисса считала, что Кирова лжет, и я думала так же. Полагаю, и у Кристиана сложилось то же впечатление, хотя прочесть его мысли я не могла. Во время нападения на Академию многие впали в панику, в особенности королевские детки, и это продолжалось даже после того, как проблема, приведшая к нападению, была устранена. Думаю, это Татьяна приложила руку к смещению Кировой, с тем чтобы ее место занял член королевской семьи. Это, без сомнения, устраивало остальных представителей королевских семей и льстило им.

Никак не проявив своих чувств, Лисса обратилась к Лазару:

– Рада была встретиться с вами. Уверена, вы будете хорошим директором. Могу ли я быть чем-то вам полезна?

Она прекрасно играла свою роль принцессы. Быть всегда вежливой и милой – один из множества ее талантов.

– Действительно, я хотел тебя кое о чем попросить. – Голос у мистера Лазара был звучный, рокошущий; казалось, он заполняет всю комнату. – Ты не могла бы показать Эйвери Академию и помочь ей найти здесь свое место? – Он махнул рукой в сторону дочери. – Она окончила школу в прошлом году, но ей предстоит помогать мне в исполнении некоторых обязанностей. Уверен, однако, она с гораздо большим удовольствием будет проводить время с человеком своего возраста.

Эйвери улыбнулась, и Лисса в первый раз по-настоящему обратила на нее внимание. Эйвери была красавица. Потрясающая. Лисса тоже прекрасна, со своими блестящими волосами и глазами цвета нефрита, характерными для всей ее семьи. По-моему мнению, Лисса в сто раз красивее Эйвери, но сама Лисса чувствовала себя рядом с ней простоватой. Эйвери была высокая, стройная, как большинство мороек, однако ее тело не было лишено сексуальных изгибов. Такой груди – вроде моей – позавидовала бы любая моройская девушка. Впечатление довершали длинные каштановые волосы и серо-голубые глаза.

– Обещаю не досаждать слишком сильно, – сказала Эйвери. – И если захочешь, я расскажу тебе кое-какие подробности о жизни при дворе. Я слышала, ты вскоре переезжаешь туда.

Лисса мгновенно внутренне ошетибилась – до нее дошло, что, собственно, происходит. Татьяна одним махом не только устранила Кирову, но и приставила к Лиссе «сторожа». Прекрасную, идеальную приятельницу, которая будет шпионить за Лиссой и потихоньку подгонять ее под мерки Татьяны. Лисса заговорила – в высшей степени вежливо, но с ощутимым холодком в голосе:

– Это было бы замечательно. Правда, в последнее время я очень занята, но мы постараемся выкроить время.

Казалось, ни Кирова, ни отец Эйвери не заметили подтекста, но в глазах Эйвери что-то вспыхнуло, и Лисса поняла, что она-то уловила скрытый в ее словах смысл.

– Спасибо, – ответила Эйвери, и на ее лице мелькнуло выражение обиды – если мне не показалось, конечно. – Уверена, мы что-нибудь придумаем.

– Хорошо, хорошо, – заговорил мистер Лазар, не имеющий понятия о переживаниях дочери. – Может, ты покажешь Эйвери гостиницу? Она будет жить в восточном крыле.

– Конечно, – ответила Лисса, не имея ни малейшего желания этого делать.

Она, Кристиан и Эйвери двинулись к выходу, но как раз в этот момент в комнату вошли двое парней. Один морой, немного моложе нас, а другой дэмпир лет за двадцать – страж, судя по его жесткому, серьезному выражению лица.

– А, вот и вы, – сказал мистер Лазар, жестом приглашая парней войти, и положил руку на плечо мальчику. – Это мой сын Рид. Он в предпоследнем классе и будет учиться здесь. Что его чрезвычайно радует.

На самом деле никакой радости на лице Рида не наблюдалось. Такого угрюмого парня мне в жизни видеть не доводилось. Если бы я должна была играть роль недовольного жизнью юнца, то все сведения об этом могла бы почерпнуть у Рида Лазара. Внешне он очень походил на Эйвери, но впечатление портила гримаса, которая, похоже, не сходила с его лица. Мистер Лазар представил Риду остальных, и тот в ответ лишь буркнул:

– Привет.

– А это Симон, страж Эйвери, – продолжал мистер Лазар. – Конечно, здесь, в кампусе, ему нет нужды неотступно неходиться при ней. Тем не менее я уверен, он постоянно будет где-то поблизости.

Я от всей души надеялась, что нет. Он не выглядел таким противным, как Рид, но явно отличался суровостью, непомерной даже по нормам стражей. Внезапно я ощутила что-то вроде сожаления к Эйвери. Если это была ее единственная компания, то понятно ее сильное желание подружиться с кем-то вроде Лиссы. Та, однако, ясно дала понять, что не желает участвовать в интригах Татьяны. Обменявшись по дороге лишь немногими словами, они с Кристианом проводили Эйвери до гостиницы и сразу же ушли. В обычных обстоятельствах Лисса осталась бы, чтобы помочь Эйвери обустроиться, а потом предложила бы вместе перекусить. Но не в этом случае. Не при наличии скрытых мотивов.

Я вернулась в собственное тело, лежащее в отеле. Я понимала, что меня не должна больше волновать академическая жизнь и нет никаких оснований плохо относиться к Эйвери. Тем не менее, лежа там и глядя во тьму, я ничего не могла поделать с собой и испытывала не лишнее самодовольства – и, да, эгоизма – чувство удовлетворения: по крайней мере, в ближайшее время Лисса не будет подыскивать подарки для своей новой подруги.

Четыре

В любой другой период своей жизни я с удовольствием исследовала бы Москву. Сидни так спланировала наш вояж, что между поездками было несколько свободных часов. Это дало нам возможность побродить по городу и перекусить, хотя она настаивала, чтобы мы из соображений безопасности вернулись на вокзал до наступления темноты. Несмотря на мою «крутизну» и знаки молнии, она не желала рисковать.

Мне было все равно, как проводить свободное время. Имело значение только то, что приближало меня к Дмитрию. Поэтому мы с Сидни просто бесцельно гуляли, поглядывали по сторонам и очень мало разговаривали. Я никогда не была в Москве. Прекрасный город, процветающий, с множеством людей и развитой торговлей. Я могла бы целыми днями заниматься здесь шопингом и пробовать еду в разных ресторанах. Места, названия которых я слышала всю жизнь, – Кремль, Красная площадь, Большой театр – были рядом, в пределах досягаемости. Круто, конечно, и все же я изо всех сил старалась отключиться от городских зрелищ и звуков, потому что они напоминали мне Дмитрия.

Он часто рассказывал о России и клялся, что я полюбила бы эту страну.

– Для тебя это было бы похоже на волшебную сказку, – как-то сказал он.

Это происходило прошлой осенью, на занятиях перед школой, как раз перед тем, как выпал первый снег. В воздухе висел туман, и все покрывала роса.

– Извини, товарищ, – ответила я, связывая волосы в конский хвост.

Дмитрию нравилось, когда я распускала волосы, но не во время же занятий по боевому искусству. Они только мешали бы мне.

– Борж и старомодная музыка – не то, как я представляю себе счастье.

Он одарил меня одной из своих редких беспечных улыбок; фактически лишь в уголках его глаз собрались легкие морщинки.

– Борщ, а не борж. И я знаю, какой у тебя аппетит. Проголодаешься как следует и будешь есть его как миленькая.

– Значит, чтобы волшебная сказка подействовала, нужно быть жуть какой голодной?

Больше всего на свете мне нравилось поддразнивать Дмитрия и, конечно, целоваться с ним.

– Я говорю о стране. О зданиях. Отправься в любой из больших городов, и он окажется не похож ни на что, виденное тобой прежде. В США везде строят одно и то же – всегда большими, плотно забитыми кварталами. Они возводятся быстро и легко. Однако в России некоторые здания – настоящие произведения искусства. Искусство присутствует даже в большинстве обычных, будничных зданий. А Зимний дворец и Троицкая церковь в Санкт-Петербурге? При виде их просто захватывает дух.

Его лицо светилось при воспоминании об этих городах, и без того красивые черты выглядели просто божественно. Думаю, он целый день мог бы перечислять разные достопримечательности. Сердце пламенело в груди просто при одном его виде. И тогда, как обычно, когда боялась показаться глупой и сентиментальной, я отшутилась, чтобы отвлечь его внимание и скрыть свои эмоции. Он переключился на деловой настрой, и мы начали работать.

Теперь, бродя по улицам этого города с Сидни, я от всей души хотела повернуть время вспять. Тогда я не стала бы отшучиваться, а просто слушала бы рассказ Дмитрия о его родной стране. Я отдала бы что угодно, чтобы он сейчас был рядом со мной. Да, насчет зданий он оказался прав. Конечно, многие напоминали те однообразные блоки, которых полно в США или в любой другой стране мира, но некоторые действительно выглядели изящно – покрашенные в яркие цвета, увенчанные странными и все же прекрасными куполами в форме луковиц. Как будто и впрямь из какого-то другого мира. И все время я не переставала думать о том, как это

было бы, если бы сейчас Дмитрий шел рядом, показывал и объяснял мне все. К примеру, если бы мы вместе проводили отпуск. Романтический отпуск. Мы ели бы в разных экзотических ресторанах, а потом танцевали бы всю ночь. Я без конца меняла бы модные платья – те самые, которые бросила в отеле в Санкт-Петербурге. Вот как оно должно было происходить. Я вовсе не должна была бродить по этому городу с какой-то хмурой девицей.

– Необыкновенно! Словно попадаешь в сказку.

Я вздрогнула, услышав голос Сидни, и только тут поняла, что мы стоим перед нашим вокзалом. В Москве их множество. Прозвучавший в ее словах отзвук моего разговора с Дмитрием вызвал ощущение бегущих по коже мурашек. Она была права. Вокзал не украшали луковичные купола, но все равно он выглядел иллюстрацией из сборника сказок – что-то вроде замка Золушки и одновременно пряничного домика. Большая сводчатая крыша с башенками на каждом конце. Белые стены пересекали полосы коричневой кирпичной кладки и зеленой мозаики. Кое-кто в США мог бы назвать это здание безвкусным, но для меня оно было прекрасно.

Я подумала, что сказал бы Дмитрий по поводу него, и почувствовала, как к глазам подступают слезы. Наверняка оно нравилось ему – как и все здесь. Осознав, что Сидни ждет ответа, я проглотила свою печаль и притворилась легкомысленной девицей.

– Может, это сказка о вокзалах?

Она вскинула брови, удивленная моим равнодушием к здешним красотам, но спрашивать ничего не стала. Кто знает? Может, продолжай я иронизировать, она в конце концов разозлилась бы и отвязалась от меня. Хотя... вряд ли мне так повезет. Я была уверена – страх перед начальством затмевает любые чувства, которые она испытывает ко мне.

У нас было купе первого класса, оказавшееся гораздо меньше, чем я ожидала. На каждой стороне – комбинация скамьи и постели, окно, высоко на стене ТВ. Я подумала, что телевизор поможет нам провести время, но тут же напомнила себе, что с русским ТВ у меня часто возникают проблемы, и не только из-за чужого языка, но и потому, что многие сцены производят ужасно странное и даже непонятное впечатление. По крайней мере, у каждой из нас будет кусочек собственного пространства, пусть даже купе не такое уютное, как хотелось бы.

Яркие цвета бросались в глаза повсюду, как и везде в городе. Даже стены за пределами нашего купе были броско окрашены, на полу лежал плюшевый ковер с красно-желто-зеленоватым рисунком, а посреди него во всю длину тянулась желтая дорожка. В купе на скамьях лежали подушки, обтянутые роскошным оранжевым бархатом, и занавески были под стать им – золотисто-оранжевые, из плотной ткани с шелковой отделкой. Учитывая еще и богато украшенный столик, это было все равно что ехать в мини-дворце.

Уже стемнело, когда поезд тронулся. По какой-то причине транссибирские поезда всегда отбывают из Москвы ночью. Было еще не так уж поздно, но Сидни заявила, что хочет спать, и в мои планы не входило раздражать ее еще сильнее. Поэтому мы выключили свет, оставив лишь крошечную лампочку у изголовья моей постели. На вокзале я купила журнал, и хотя языка не понимала, изображения косметики и нарядов преодолевали все культурные барьеры. Я листала страницы как можно тише, восхищаясь летними топами, платьями и спрашивая себя, наступит ли время, когда меня снова будут волновать такие вещи.

Укладываясь, я не чувствовала усталости, но тем не менее сон сморил меня. Мне снилось, будто я мчусь на водных лыжах, как вдруг море и солнце растаяли и я оказалась в комнате с бесчисленными книжными полками и рядами столов с компьютерами. В помещении стояла полная тишина. Я находилась в библиотеке Академии Святого Владимира.

– Ох, только не сегодня! – простонала я.

– Почему не сегодня? Почему не каждый день?

Я повернулась и увидела красивое лицо Адриана Ивашкова. Адриан был морой, внучатый племянник королевы; он остался в моей прошлой жизни, когда я отбыла для исполнения

своей самоубийственной миссии. Прекрасные изумрудно-зеленые глаза вкупе с модно взъерошенными каштановыми волосами заставляли многих девушек терять голову. Однако он был, типа, влюблен в меня; именно благодаря ему в этой поездке я не знала нужды в деньгах. За одно это следовало быть с ним милой.

– Действительно, – ответила я. – Надо думать, я должна быть благодарна за то, что ты объявляешься всего раз в неделю.

Он улыбнулся и сел в деревянное кресло. Высокий и худощавый, как большинство мороев. Моройские парни никогда не бывают толстыми.

– От разлуки сердце размягчается, Роза. Не хочу, чтобы ты считала меня слишком самонадеянным.

– Нам это не грозит, не беспокойся.

– Не хочешь рассказать мне, где ты?

– Нет.

Кроме Лиссы, он был единственным известным нам пользователем духа, и среди его талантов была способность проникать в мои сны – часто незваным гостем – и разговаривать со мной. Какая удача, что таким образом он никогда не сможет узнать, где я!

– Ты убиваешь меня, Роза, – мелодраматическим тоном заявил он. – Каждый день без тебя причиняет боль. Пустота. Одиночество. Я тоскую по тебе, спрашивая себя, жива ли ты еще вообще.

Это была типичная для него, ужасно глупая манера выражаться, со склонностью к преувеличениям. Адриан мало к чему относился серьезно. Кроме всего прочего, дух делает людей неуравновешенными, и хотя Адриан боролся с этим, какой-то эффект все-таки присутствовал. И все же за его мелодраматическими речами ощущалось зернышко правды. Какой бы вид он ни напускал на себя, я знала – он на самом деле тревожится за меня.

Я скрестила на груди руки.

– Я все еще жива, как видишь. Убедился? Теперь дай мне поспать.

– Сколько тебе нужно объяснять? Я же говорил – ты и сейчас спишь.

– И однако разговоры с тобой непостижимым образом изматывают меня.

Он рассмеялся.

– Ох, я так скучаю по тебе. – Улыбка погасла. – И она тоже.

Я замерла. Она. Ему не требовалось даже называть ее по имени – ясно, о ком шла речь.

Лисса.

Даже мысленно произносить ее имя причиняло мне боль, в особенности после того, как я видела ее прошлой ночью. Выбор между ней и Дмитрием был едва ли не самым трудным в моей жизни, и время не залечивало эту рану. Пусть я выбрала его, но расстаться с ней было все равно что лишиться руки, в особенности потому, что благодаря нашей связи разлука не была по-настоящему полной.

Адриан бросил на меня пронизательный взгляд, как будто мог прочесть мои мысли.

– Ты ходишь посмотреть на нее?

– Нет. – Я не хотела признаваться, что видела ее совсем недавно. Пусть думает, что я освободилась от нее. – Это больше не моя жизнь.

– Да, твоя жизнь – это самосуд и, конечно, с угрозой для здоровья.

– Ты не понимаешь ничего, если это не касается пьянства, курения и разврата.

Он покачал головой.

– Ты единственная, кого я хочу, Роза.

К несчастью, я ему верила. Для нас обоих все было бы гораздо проще, если бы он нашел себе кого-нибудь.

– Твое право – продолжать питать ко мне нежные чувства, но тебе придется долго ждать.

– Как долго?

Он задавал мне этот вопрос все время, и каждый раз я подчеркивала, что это продлится долго и что он впустую тратит время. Сейчас, подумав, что, возможно, Сидни поможет мне, я заколебалась.

– Не знаю.

Его лицо расцвело надеждой.

– Это самое оптимистичное, что ты до сих пор мне говорила.

– Не придавай особого значения. «Не знаю» может означать и день, и год. Или даже никогда.

Озорная улыбка снова заиграла на его губах; что же, он симпатичный, ничего не скажешь.

– Буду надеяться, что это один день.

Вспоминание о Сидни навело меня на мысль задать ему один вопрос.

– Ты когда-нибудь слышал об алхимиках?

– Конечно.

Еще бы он о ком-то не слышал! Типично.

– Можно было и не спрашивать.

– Почему ты интересуешься? Столкнулась с ними?

– Типа того.

– Что ты натворила?

– Почему ты думаешь, будто я что-то натворила?

Он засмеялся.

– Алхимики только тогда возникают, когда случаются неприятности, а ты – непреходящий источник неприятностей. Будь, однако, осторожна. Они сдвинуты на религии.

– Здесь не тот случай.

Вера Сидни не казалась такой уж... чрезмерной.

– Только не позволяй им обратить тебя в свою религию. – Он подмигнул. – Ты мне нравишься грешницей.

Я хотела сказать ему, что Сидни наверняка считает меня за гранью спасения, но тут он ушел из моего сна.

Вот только вместо того, чтобы погрузиться в обычный сон, я проснулась. Поезд успокаивающе погромыхивал, пока мы мчались по России. Моя лампочка все еще горела, слишком ярко для затуманенных сном глаз. Я потянулась, чтобы выключить ее, и заметила, что постель Сидни пуста.

«Наверно, в туалете», – подумала я.

И все же мне было не по себе. Она и ее алхимики оставались для меня загадкой, и внезапно мне пришло в голову, что, возможно, она как раз сейчас осуществляет задуманный ими зловещий план. Может, вышла, чтобы встретиться с каким-нибудь тайным агентом? Я решила найти ее.

По правде говоря, я понятия не имела, где она может быть в таком огромном поезде, но логика никогда не останавливала меня. Не остановила и сейчас. По счастью, надев тапочки и выйдя в коридор, я обнаружила, что мне не надо далеко ходить.

Вдоль коридора тянулись окна, все с этими роскошными занавесками, и Сидни стояла у одного из них, спиной ко мне, завернувшись в одеяло и глядя в ночь. Взлохмаченные от сна волосы выглядели не такими золотистыми в тусклом свете.

– Эй! – неуверенно окликнула я ее. – С тобой все в порядке?

Она слегка повернулась ко мне, одной рукой придерживая одеяло, а другой теребя свой крестик. Я вспомнила замечание Адриана о религиозности алхимиков.

– Не могу уснуть, – призналась она.

– Это... из-за меня?

Вместо ответа она снова отвернулась к окну.

– Послушай. – Меня охватило чувство беспомощности. – Если я могу что-то сделать... В смысле, кроме как отказаться от этой поездки...

– Я справлюсь, – сказала она. – Просто... ну... это как-то странно для меня. Я все время имею дело с вами, но реально я никогда не имела дела с вами, понимаешь?

– Наверно, можно сделать так, чтобы у тебя было отдельное купе – если это поможет. Найдем здешнего служителя, и я заплачу.

Она покачала головой.

– Это всего лишь пара дней.

Я не знала, что еще сказать. Путешествовать вместе с Сидни не слишком вписывалось в мои планы, но я не хотела, чтобы она страдала. Глядя, как она теребит свой крестик, я попыталась измыслить что-нибудь успокоительное. Может, обсуждение отношения к Богу и сблизило бы нас, однако мне не верилось, что, если я признаюсь ей в том, что ежедневно спорю с Ним, а в последнее время и вовсе засомневалась в Его существовании, это улучшит мою репутацию «злобного создания ночи».

– Хорошо, – сказала я наконец. – Скажи мне, если передумаешь.

Я вернулась в постель и заснула удивительно быстро, несмотря на беспокойство, что Сидни способна простоять в коридоре всю ночь. Однако, проснувшись утром, я обнаружила, что она свернулась калачиком в своей постели и крепко спит. Видимо, настолько устала, что даже страх передо мной не помешал ей уснуть. Я тихонько встала и переоделась, сняв тенниску и тренировочные брюки, в которых спала. Я была ужасно голодна и подумала, что Сидни может проспать дольше, если меня не будет рядом.

Ресторан находился в следующем вагоне и выглядел как в каком-нибудь старом кино – столики покрыты изящными красными льняными скатертями, повсюду медь, темное дерево и ярко окрашенные статуэтки из цветного стекла. Скорее похоже на какой-нибудь ресторан в Санкт-Петербурге, чем на вагон-ресторан в поезде. Я заказала что-то, смутно напоминающее французский тост, но с сыром. Его подали с сосиской, которые, казалось, по вкусу были одинаковые везде, куда бы я ни заходила.

Я уже почти покончила с завтраком, когда появилась Сидни. Встретив ее впервые, я посчитала, что юбку-штаны и блузку она надела ради посещения «Соловья», однако вскоре выяснилось, что это ее обычный стиль. По-видимому, она относилась к числу людей, которые вообще не признают ни теннисок, ни джинсов. Ночью в коридоре она выглядела взъерошенной, но сейчас на ней были аккуратные черные слаксы и темно-зеленый свитер. Я, в джинсах и серой утепленной рубашке с длинными рукавами, почувствовала себя рядом с ней какой-то замарашкой. Тщательно расчесанные волосы несли на себе следы легкого беспорядка; по-видимому, с этим она ничего не могла поделать, какие бы усилия ни прикладывала. По крайней мере, мой конский хвост выглядел вполне прилично.

Она уселась напротив меня, и, когда подошел официант, заказала омлет, причем снова по-русски.

– Где ты научилась этому? – спросила я.

– Чему, русскому языку? – Она пожала плечами. – Нас учат и ему, и еще несколькими языкам.

– Класс!

Я прошла вводные курсы одного-двух языков, но преуспела в них мало. Раньше я об этом вообще не задумывалась, но сейчас, из-за этой поездки и из-за Дмитрия, я пожалела, что не знаю русского. Теперь, наверно, было поздно начинать, и хотя за время пребывания здесь я усвоила несколько фраз, это по-прежнему казалось практически неосуществимой задачей.

– Должно быть, для твоей работы надо много чему учиться.

Я задумалась о том, каково это – входить в тайную группу, для которой не существует границ и которая контактирует с самыми разными правительствами. Потом у меня мелькнула еще одна мысль:

– А что это за штука, которую ты использовала, когда разлагала тело стригоя?

Она улыбнулась. Почти.

– Я уже рассказывала, что алхимики возникли как группа людей, изготавливающих всякие снадобья, помнишь? Это химическое соединение, которое мы разработали, чтобы быстро избавляться от тел стригоев.

– А нельзя с его помощью убить стригоя?

Погрузить стригоя в растворяющую жидкость гораздо легче обычных способов уничтожить его: обезглавливания, сожжения и насаживания на кол.

– Боюсь, что нет. Это вещество срабатывает только на трупах.

– Досадно.

Интересно, не припрятаны ли у нее в рукаве другие снадобья? Однако выяснять этого я не стала, решив, что следует дозировать свои вопросы:

– Что ты собираешься делать в Омше?

– Омск, – поправила она. – Возьмем машину и поедем дальше.

– Ты была там? В этом городе?

– Однажды.

– На что он похож? – спросила я, с удивлением услышав тоскующие нотки в собственном голосе.

Помимо поисков Дмитрия, какой-то частью души я продолжала цепляться ко всему, связанному с ним. Мне хотелось узнать о нем все, чего я не знала раньше. Если бы в школе мне отдали его вещи, я спала бы с ними каждую ночь. Однако в его комнате молниеносно произвели уборку, и теперь мне оставалось лишь собирать любые кусочки информации о нем, какие только удастся, – как будто это позволит удержать его рядом с собой.

– На любое другое поселение дампиров.

– Я никогда не была ни в одном.

Официант поставил перед Сидни омлет, и она застыла с вилок в воздухе.

– Правда? А я думала, все вы...

Я покачала головой.

– Вся моя жизнь прошла в Академии. Более или менее.

Два года среди людей, по существу, ничего не меняли.

Сидни задумчиво жевала. Я готова была поспорить, что она не доест омлет. Судя по тому, что я видела в первую ночь и вчера вечером, она ела очень мало. Вроде как питалась одним воздухом. Может, это еще одно свойство алхимиков? Вряд ли. Скорее всего, это личная особенность Сидни.

– Жители наполовину состоят из людей, наполовину из дампиров, но дампиры объединены в тайное сообщество, о котором люди даже и не догадываются.

Я всегда подозревала, что у них существует целая субкультура, но понятия не имела, как она может вписываться в жизнь всего города.

– И? – спросила я. – На что их субкультура похожа?

Сидни положила вилку.

– Скажу лишь, что тебе лучше заранее подготовиться ко всему.

Пять

Остальная часть поездки прошла без всяких происшествий. Сидни так и не избавилась от чувства дискомфорта, испытываемого в моем обществе, но иногда, когда я смотрела русское телевидение, она помогала мне понять, что там показывают. Существует определенная культурная разница между этими передачами и тем, с которыми мы обе выросли, и это нас роднило. Она улыбалась в тех же местах, которые мне казались забавными, и у меня даже возникло чувство, что мы могли бы подружиться. Я знала совершенно точно, что никто никогда не заменит мне Лиссу, и все же, покинув ее, чувствовала пустоту в душе, жаждущую дружбы.

На протяжении дня Сидни не раз задремывала, и я начала думать, что она просто страдает бессонницей и не может спать тогда, когда это делает большинство людей. Ела она по-прежнему в своей странной манере – не ела, а клевала. Всегда позволяла мне доедать за ней и вела себя по отношению к русской кухне смелее, чем я. В России мне приходилось во всем экспериментировать, и было приятно использовать опыт человека, пусть и не местного, но знающего об этой стране гораздо больше меня.

На третий день мы прибыли в Омск. Я не ожидала увидеть в Сибири такой большой и приятный город. Дмитрий всегда поддразнивал меня, говоря, что мое представление о Сибири как о чем-то вроде Антарктики ошибочно, и теперь я могла сказать, что он был прав – по крайней мере, применительно к южной части этого региона. Погода очень напоминала ту, что устанавливалась в Монтане в это время года, прохладный весенний воздух уже заметно прогрелось солнце.

Когда мы приехали, Сидни заявила, что договорится с каким-нибудь знакомым мороем и он отвезет нас. Несколько их жили тут, затерявшись в большом городе. Тем не менее, когда прошел день, выяснилось, что у нас проблема. Ни один морой не соглашался везти нас; по-видимому, поездка была опасна. По ночам стригои часто рыскали поблизости, надеясь захватить какого-нибудь путешествующего мороя или дампира. Чем дольше все это тянулось, тем больше меня одолевала тревога в отношении осуществления моего плана. По-видимому, в самом городе Дмитрия было мало стригоев. По словам Сидни, они прятались на окраинах, а на постоянной основе там жили очень немногие. Если это так, мои шансы найти Дмитрия невелики. По мере того как Сидни продолжала описывать ситуацию, мое настроение все больше ухудшалось.

– Множество стригоев бродит по стране в поисках жертв, и через этот город они просто проходят, – объясняла она. – Расстояния здесь немалые, и некоторые стригои задерживаются там на какое-то время в надежде на легкую добычу, но потом, как правило, отправляются дальше.

– В Штатах стригои часто скрываются в больших городах, – взволнованно сказала я.

– И здесь тоже. В больших городах им легче найти жертву, оставаясь незамеченными.

Да, мой план определенно трещал по швам. Если Дмитрий не живет в этом городе, у меня возникают серьезные проблемы. Я знала, знала, что стригои предпочитают большие города, но как-то сумела убедить себя, что Дмитрий вернется туда, где вырос.

А вдруг Дмитрия там нет? Внезапно до меня дошло, насколько велика Сибирь. Оказывается, Омск вовсе не самый крупный город в этом регионе, и найти одного стригоя даже здесь будет трудно. Что делать? Искать его в других больших городах? Если интуиция меня подвела, дело может обернуться очень, очень скверно.

С того момента, как я решила искать Дмитрия, у меня бывали моменты слабости, когда я наполовину надеялась, что никогда не найду его. Мысль о том, что он стал стригоем, по-прежнему терзала меня. Не давали покоя и другие образы – того, каким он был раньше, а также воспоминания о моментах, когда мы были вместе.

Наверно, самое бесценное для меня воспоминание относилось ко времени перед его обращением. Тогда я вся пропиталась тьмой, которая под воздействием духа накапливалась в Лиссе. Не могла контролировать себя, не владела собой. Боялась, что стану монстром, боялась убить себя, как это сделала другая женщина-страж, «поцелованная тьмой».

Дмитрий помог мне снова обрести себя, буквально влив в меня часть своей силы. Именно тогда я осознала, насколько крепка наша связь, как полно мы понимаем друг друга. Раньше я скептически относилась к разговорам о родстве душ, но в тот момент поняла, что это не пустые слова. И вслед за эмоциональной связью пришла физическая – мы с Дмитрием в конце концов не устояли перед взаимным влечением. Мы клялись, что этого никогда не произойдет, но наши чувства оказались слишком сильны. Быть и дальше не вместе стало просто невозможно. У нас была близость, и для меня это произошло в первый раз. Очень похоже, что и в последний.

Сам секс оказался изумительным, и физически, и эмоционально. Потом мы просто лежали рядом в маленькой хибарке так долго, сколько осмелились, и это тоже было замечательно. Один из немногих моментов, когда я чувствовала, что Дмитрий поистине мой.

– Помнишь заклинание вождения, наложенное на нас Виктором? – спросила я, прижимаясь к нему.

Дмитрий бросил на меня такой взгляд, точно я сошла с ума.

– Конечно.

Виктор Дашков принадлежал к королевской семье и долгие годы был дружен с Лиссой и ее родственниками. Однако позже выяснилось, что втайне он годами изучал дух и понял, что Лисса – пользователь духа, задолго до того, как это осознали мы. Он терзал ее всяческими способами, приведшими к тому, что она стала думать, будто сходит с ума. Кульминацией его коварных замыслов стало похищение ее и пытки, с помощью которых он вынудил Лиссу исцелить его от смертельной болезни.

Сейчас Виктор отбывал пожизненное заключение – и за то, что сделал с Лиссой, и за свои изменнические планы свержения морейского правительства. Он был одним из немногих, кто знал о моих отношениях с Дмитрием. Более того – он использовал это свое знание для создания заклинания вождения, которое поместил в ожерелье, воздействовав на него силой земли и принуждением. Опасная магия этого заклинания заставила Дмитрия и меня уступить основному инстинкту. Правда, в последний момент мы сумели не дойти до конца, и до той ночи в хибарке я считала, что наше спровоцированное заклинанием влечение было чем-то вроде состояния наркотического опьянения и имело сугубо физическую основу.

– Я не осознавала, что это может быть гораздо лучше, – застенчиво сказала я Дмитрию той ночью в хибарке. – Я думала об этом все время, о том, что произошло тогда между нами.

Он повернулся ко мне, натягивая одеяло. В хибарке было холодно, но на постели лежали теплые одеяла. Можно было, конечно, одеться, но мне ужасно этого не хотелось. Прижиматься к нему всем телом, ощущать его кожу – это было слишком приятно.

– Я тоже.

– Правда? – удивленно спросила я. – Мне казалось, ты слишком дисциплинирован и стараешься все забыть.

Дмитрий рассмеялся и поцеловал меня в шею.

– Роза, как можно забыть, что я, обнаженный, лежал рядом с такой красавицей, как ты? Часто по ночам я не мог уснуть, вспоминая все подробности. Говорил себе снова и снова, что это неправильно, но забыть тебя не мог. Это просто немыслимо. – Его руки гладили мои бедра, губы скользили вдоль шеи. – Ты навсегда выжжена в моем сознании, как клеймо, и ничто, ничто на свете не изменит этого.

Как могли уживаться эти воспоминания с моим теперешним желанием найти его и убить, пусть даже он стал стригоем? А между тем именно из-за этих воспоминаний я точно знала, что должна уничтожить его – чтобы он остался в памяти как человек, который любил меня

и держал в своих объятиях. Нельзя забывать, что этот человек никогда не захотел бы стать монстром.

Когда Сидни показала мне купленную ею машину, я, мягко говоря, в восторг не пришла; в особенности поскольку она купила ее на мои деньги.

– Мы поедем на этом? – воскликнула я. – По-твоему, она способна выдержать такой путь? Поездка предположительно должна была продлиться семь часов.

Она бросила на меня изумленный взгляд.

– Ты серьезно? Ты знаешь, что это? «Ситроен» семьдесят второго года выпуска. Эти машины потрясающие. Ты хоть примерно представляешь себе, как трудно было ввезти их в страну в советские дни? Просто не верится, что парень продал ее. Очень неумно с его стороны.

О советской эпохе мне было известно совсем немного, а еще меньше о классических автомобилях, но Сидни гладила блестящий красный капот, словно влюбленная. Кто мог бы предположить, что она сдвинута на машинах? Может, автомобиль и впрямь был стоящий, но я, как уже было сказано, в них не разбиралась. Честно говоря, на нем не было ни выбоин, ни ржавчины; он выглядел чистым и ухоженным, просто старомодным.

– Он хоть поедет? – спросила я.

На ее лице отразилось еще большее недоумение, хотя это казалось невозможным.

– Конечно!

И он поехал. Двигатель издавал ровный гул, и, глядя, как машина набирает скорость, я начала понимать восторг Сидни. Она жаждала сесть за руль, и вначале я готова была поспорить с ней, аргументируя свое право тем, что машина куплена на мои деньги. Однако, глядя в ее влюбленное лицо, я в конце концов решила не мешать ее роману с машиной.

Я просто радовалась тому, что мы наконец отбыли, хотя это и произошло во второй половине дня. По словам всех, дорога была опасна, и вряд ли стоило рисковать, оставаясь на ней с наступлением темноты. Сидни успокоила меня, заявив, что большую часть пути мы проедем до заката, а потом остановимся на ночь в хорошо известном ей местечке и приедем в город уже утром.

Чем дальше от Омска, тем более глухой становилась местность. Глядя в окно, я начала понимать влюбленность Дмитрия в эту страну. Да, она выглядела как заросшая низкорослым кустарником бесплодная равнина, но с весной повсюду пробивалась зелень, и было что-то мучительно прекрасное в зрелище этих земель, которых не касалась рука человека. В некотором смысле похоже на Монтану, но здесь присутствовало и что-то еще, исключительно свое, присущее только этой местности.

Я не смогла удержаться, чтобы не использовать для поддержания разговора помешанность Сидни на машинах.

– Тебе много известно об автомобилях?

– Кое-что, – ответила она. – В нашей семье алхимик папа, а мама механик.

– Правда? – удивилась я. – Это... необычно. Конечно, не мне рассуждать о том, какому полу что больше подходит. Вся моя жизнь посвящена сражению и убийствам; вряд ли это можно считать традиционно женским занятием.

– Мама очень хороша в своей специальности и многому научила меня. Я не возражала бы, если бы это стало делом моей жизни. И против учебы в колледже не возражала бы. – В ее голосе послышались нотки горечи. – Думаю, на свете есть много чего, чем я хотела бы заниматься.

– И почему ты не делаешь этого?

– Я должна быть следующим алхимиком в нашей семье. У меня есть старшая сестра, обычно эта роль отводится старшему ребенку. Но она... никчемная, что ли.

– Сурово.

– Может быть. Но у нее просто ничего не получится. Собирать коллекцию губной помады – тут ее не остановишь. Но работать в организации, да еще с людьми? Нет, на это она не способна. Папа говорит, в нашей семье только я гожусь для этой работы.

– Практически комплимент.

– Наверно.

Сидни выглядела такой печальной, что я пожалела, что затронула эту тему.

– Если бы ты могла пойти в колледж, что ты стала бы изучать?

– Греческую и римскую архитектуру.

Хорошо, что не я была за рулем, поскольку, услышав такое, наверняка съехала бы с дороги.

– Серьезно?

– Тебе что-нибудь известно об этом?

– Ммм... Нет.

– Это потрясающе.

Произошло маленькое чудо. Печальное выражение исчезло с ее лица, она выглядела почти такой же восторженной, как когда речь зашла об автомобилях. Только теперь я поняла, почему она так восхищалась вокзалом.

– Мастерству тут просто нет предела. Если алхимики после этой поездки не отошлют меня в США, надеюсь, я получу назначение в Грецию или Италию.

– Круто.

– Да. – Ее улыбка угасла. – Однако с этой работой никогда нет никакой гарантии, что получится по-твоему.

После этого она замолчала, и я решила, что одержала маленькую победу, втянув ее в разговор, а теперь хватит. Пусть себе мечтает о классических машинах и архитектуре, у меня и самой есть о чем подумать. Стригои. Мой долг. Дмитрий. Всегда Дмитрий...

Дмитрий и Лисса. Заранее и не скажешь, о ком из них мысли причиняют мне больше боли. Сейчас, мягко покачиваясь в автомобиле, я, подстегнутая недавним визитом Адриана в мой сон, мысленно отправилась к Лиссе.

Когда в России ранний вечер, в Монтане раннее утро. Конечно, поскольку школа работает в ночном режиме, формально для них сейчас, несмотря на восход солнца, начиналась ночь. Близился комендантский час, и совсем скоро все разойдутся по своим спальным корпусам.

Лисса находилась в гостинице, в комнате Адриана. Он, как и Эйвери, уже закончил школу, но в качестве единственного другого известного пользователя духа на неопределенное время остался при школе и работал с Лиссой. Сидя на полу лицом друг к другу, они только что закончили долгую, изнурительную попытку научить Лиссу проникать в чужие сны. Вздохнув, она откинулась на спину и легла, вытянув над головой руки.

– Бесполезно, – огорченно сказала она. – Я никогда этому не научусь.

– Нечего пасовать перед трудностями, кузина.

Адриан, как обычно, говорил легкомысленным тоном, но я видела, что он тоже устал. На самом деле кузенами они не были; просто королевские отпрыски часто так обращаются друг к другу.

– Не понимаю, как ты делаешь это.

– А я не знаю, как тебе объяснить. Просто думаю об этом, и оно происходит. – Он вытащил сигареты, которые всегда имел при себе. – Ты не против?

– Против.

К моему удивлению, он убрал сигареты. Что за черт? Меня он никогда не спрашивал, не против ли я, чтобы он закурил, а я была против. Чаще всего он делал это, просто чтобы вывести

меня из себя, что вообще не имело никакого смысла. Адриан находился в том возрасте, когда парням кажется, что они понравятся девушкам, если будут дразнить их.

Он снова предпринял попытку объяснить Лиссе процесс.

– Я просто думаю о том, кого хочу увидеть, и... не знаю. Мысленно дотягиваюсь до этого человека.

Лисса села, скрестив ноги.

– Роза примерно так описывала, как она проникает в мое сознание.

– Очевидно, принцип один и тот же. Послушай, тебе понадобилось время, чтобы научиться видеть и понимать ауры. Это то же самое. И не у одной тебя трудности в обучении. Я пока могу исцелять лишь крошечные царапины, а ты способна оживлять мертвых, что – считай меня сумасшедшим – типа, ужасно. – Он помолчал. – Конечно, кое-кто полагает, что я и впрямь сумасшедший.

При упоминании об аурах Лисса уставилась на Адриана, взывая к своей недавно обретенной способности видеть сияющее поле света, окружающее каждое живое существо. Наконец ее глазами я увидела ауру Адриана – золотистое мерцание вокруг него. Он утверждал, что у Лиссы она выглядит так же. Ни у одного другого мороя нет такой чистой, золотистой ауры. Лисса и Адриан относили эту уникальную особенность за счет того, что оба были пользователями духа.

Он улыбнулся, догадавшись, чем она занимается.

– И как она выглядит?

– Как обычно.

– Видишь, каких успехов ты в этом добилась? Просто прояви терпение в отношении ее снова.

Лисса очень сильно хотела научиться проникать в сны, как Адриан. Неудача огорчала ее, и тем не менее я радовалась, что у нее пока не получается. Хватит с меня и того, что Адриан посещает мои сны. Что касается Лиссы, то, попади она в мои сны, мне стало бы труднее сохранять хладнокровие и жесткость, которые я накапливала в себе в России.

– Я просто хочу знать, как она там. – Голос Лиссы звучал еле слышно. – Это невыносимо – ничего не знать.

То же самое она говорила и Кристиану.

– Я видел ее недавно. Она в порядке. И скоро я снова к ней схожу.

– Как думаешь, она сделает это? Сможет убить Дмитрия?

Адриан долго молчал, прежде чем ответить.

– Думаю, сможет. Вопрос в том, уцелеет ли она сама при этом.

Лисса вздрогнула, а я удивилась. Такой прямой, откровенный ответ был скорее в духе Кристиана.

– Господи, как бы я хотела, чтобы она отказалась от этой идеи.

– Теперь уже ничего не изменишь. И Роза должна выполнить свой долг – только тогда она сможет вернуться к нам. – Он помолчал. – Только тогда она сможет жить дальше.

Адриан не раз удивлял меня, но это его заявление просто сразило наповал. Лисса считала, что искать Дмитрия – глупо и самоубийственно. И Сидни наверняка согласилась бы с ней, расскажи я ей правду о цели своей поездки. Но Адриан... туповатый, поверхностный, любитель побегать за девочками Адриан понимал меня? Внимательно разглядывая его глазами Лиссы, я осознала, что да. Ему это не нравилось, и в его словах отчетливо звучало страдание. Он беспокоился обо мне. То, что я испытываю к другому парню такие сильные чувства, причиняло ему боль. И все же... он искренне верил, что я поступаю правильно, что иначе просто не могу.

Лисса взглянула на часы.

– Скоро комендантский час. Мне еще нужно подготовиться к тесту по истории.

Адриан улыбнулся.

– К чему все это? Просто найди умного человека, у которого можно списать.

Она встала.

– Ты хочешь сказать, что сама я дурочка?

– Черт, нет!

Он тоже встал, подошел к битком набитому бару, который всегда держал под рукой, и налил себе выпить. Таков был его крайне безответственный способ сдерживать побочные эффекты духа, и если он весь вечер использовал дух, потом ему требовалось довести себя до состояния полной бесчувственности.

– Ты самая умная из всех, кого я знаю. Но это не означает, что тебе обязательно нужно делать работу, без которой можно прекрасно обойтись.

– Нельзя добиться успеха в жизни, если не работать. Списывание у других ничего не дает.

– Как сказать. – Он усмехнулся. – В школе я только и делал, что списывал, и посмотри, как я преуспеваю сегодня.

Лисса закатила глаза, быстро обняла его на прощание и вышла. Как только он не мог ее больше видеть, ее улыбка увяла, а мысли приняли самое мрачное направление. Разговор обо мне расшевелил целое гнездо эмоций. Она волновалась за меня... отчаянно волновалась. Она уже говорила Кристиану, как сильно переживает из-за того, что произошло между нами, но тогда до меня не дошло в полной мере, насколько сильно. Ее терзало чувство вины, она постоянно ругала себя за то, чего не сделала, хотя должна была. И еще она сильно скучала по мне, испытывая чувство, аналогичное моему – словно от нее отрезали часть, прямо по живому.

Адриан жил на четвертом этаже, и Лисса не стала дожидаться лифта, предпочтя спуститься по лестнице. И все время ее терзала тревога. Тревога из-за того, сумеет ли она когда-нибудь полностью овладеть духом. Тревога обо мне. Тревога из-за того, что в настоящее время она не чувствовала темных побочных эффектов духа, и это заставляло ее спрашивать себя, продолжаю ли я впитывать их, как столетия назад это делала женщина-страж Анна. Она была «связана» со святым Владимиром, в честь которого названа наша школа, и поглощала вредные эффекты его духа, что в конечном счете свело ее с ума.

На втором этаже Лисса слышала крики, доносившиеся из-за двери, отделяющей лестницу от коридора. Она понимала, что ее это не касается, но любопытство взяло верх. Она осторожно открыла дверь и вышла в коридор. Голоса доносились из-за угла. Она тут же узнала их – и все же выглянула посмотреть.

Уперев руки в боки и сердито глядя на отца, в коридоре стояла Эйвери Лазар. Сам он стоял в дверном проеме, по-видимому, своего номера. Их напряженные позы были полны враждебности, между ними, как электрические разряды, потрескивал гнев.

– Буду делать, что хочу! – прокричала она. – Я тебе не рабыня!

– Ты моя дочь, – спокойно и отчасти снисходительно ответил он. – Хотя временами я жалею об этом.

Ого! И Лисса, и я были шокированы.

– Тогда какого черта ты заставляешь меня торчать в этой дыре? Позволь вернуться ко двору!

– Где ты будешь и дальше ставить меня в затруднительное положение? Мы едва выкарабкались в последний раз, не нанеся особого урона репутации семьи. Я не собираюсь отпускать тебя одну, чтобы ты вытворяла там бог знает что.

– Тогда отошли меня к маме! В Швейцарии куда лучше, чем здесь.

Последовала пауза.

– Твоя мать... очень занята.

– Как мило, – с ярко выраженной иронией в голосе сказала Эйвери. – Это вежливый способ сообщить, что она не жаждет моего общества. Ничего удивительного. Я помешаю ей развлекаться с типом, с которым она спит.

– Эйвери! – В его голосе зазвенел гнев. – Разговор окончен. Возвращайся в свою комнату и протрезвись, пока ты никому не попалась на глаза. Жду тебя утром на завтрак и рассчитываю, что ты будешь вести себя прилично. Мы ждем важных гостей.

Лисса вздрогнула и сделала шаг назад.

– Да, и, бог знает, мы должны соблюдать внешние приличия.

– Отправляйся к себе, – повторил он. – Прежде чем я свяжусь с Симоном и заставлю его оттащить тебя туда.

– Да, сэр, – ответила она с притворной улыбкой. – Сию минуту, сэр. Все, что пожелаете, сэр.

С этим он захлопнул дверь. Лисса, отступая по коридору, едва верила, что он наговорил все это собственной дочери. Несколько мгновений все было тихо. Потом Лисса услышала шаги... направляющиеся в ее сторону. Внезапно из-за угла показалась Эйвери и остановилась перед Лиссой, впервые давая нам обоим возможность как следует разглядеть ее.

На Эйвери было короткое обтягивающее платье из голубой, отблескивающей серебром ткани. Волосы в беспорядке свисали на плечи, из серо-голубых глаз струились слезы, размазывая макияж. От нее исходил тяжелый запах алкоголя. Она поспешно вытерла глаза рукой, явно смущенная тем, что ее застали в таком виде.

– Ты, надо полагать, подслушала достаточно, чтобы понять нашу семейную драму, – сказала она.

Лисса тоже испытывала смущение – из-за того, что вроде как шпионила и ее застукали.

– Я... Мне очень жаль. Я не хотела подслушивать, просто проходила мимо...

Эйвери хрипло рассмеялась.

– Думаю, это не имеет значения. Наверно, нас слышали все в этом здании.

– Мне очень жаль, – повторила Лисса.

– С какой стати? Ты не сделала ничего плохого.

– Нет... В смысле, мне жаль, что он наговорил тебе лишнего.

– Это часть того, что входит в понятие «добропорядочной» семьи. У каждого свои скелеты в шкафу. – Эйвери скрестила на груди руки и прислонилась к стене. Даже расстроенная и с расплывшимся макияжем, она была прекрасна. – Господи, иногда я просто ненавижу его. Без обид, но здесь чертовски скучно. Есть несколько парней, с которыми можно провести время по вечерам, но... они тоже ужасно скучные. Им бы только наливать пиво.

– Зачем... Зачем твой папа привез тебя сюда? – спросила Лисса. – Почему ты... ну, не знаю... не в колледже?

Эйвери издала хриплый смешок.

– Он не очень-то доверяет мне. Когда мы жили при дворе, у меня завязался роман с одним симпатичным парнем, который работал там. Так папа рвал и метал, опасаясь, что об этом станет известно. Поэтому, получив здесь работу, он взял меня с собой, чтобы приглядывать за мной – и мучить. Думаю, он опасается, что, оказавшись в колледже, я сбегу с каким-нибудь человеком. – Она вздохнула. – Клянусь Богом, если бы здесь не было Рида, я просто дала бы деру, и точка.

Лисса надолго замолкла. Она старательно избегала Эйвери, поскольку ей надоели бесконечные приказы королевы, и это казалось единственным способом воспротивиться тому, чтобы ею управляли, точно марионеткой. Однако теперь она задумалась: может, не следовало так вести себя с Эйвери? Не похоже, что девушка шпионит в интересах Татьяны, и ведет она себя не как человек, жаждущий слепить из Лиссы идеального члена королевской семьи. Она выглядела грустной, страдающей девушкой, лишенной возможности распоряжаться собственной жизнью. Ее, как и Лиссу в последнее время, тоже донимали приказами.

Сделав глубокий вдох, Лисса ринулась вперед.

– Не хочешь завтра во время ланча присоединиться к нам с Кристианом? Правда, ничего особенно волнующего я обещать не могу.

Эйвери улыбнулась.

– Мой собственный план состоял в том, чтобы пойти к себе и надраться в одиночку. – На этот раз в ее голосе звучало меньше горечи. Она приподняла из сумки бутылку чего-то, похожего на виски. – Прикончить то, что тут осталось.

Лисса не совсем поняла, что означает этот ответ.

– Ну... Так мы увидимся за ланчем?

Эйвери заколебалась, однако постепенно на ее лице начал возникать слабый отблеск надежды и интереса. Лисса сосредоточилась, вглядываясь в ее ауру. Поначалу было трудно – наверно, потому, что они с Адрианом так усердно практиковались сегодня вечером. Однако в конце концов она разглядела: аура Эйвери представляла собой смесь зеленого, голубого и золотого. Ничего особенного. В данный момент она была окружена красным, как часто бывает, когда человек расстроен. Однако прямо на глазах у Лиссы эта краснота таяла.

– Да, – ответила наконец Эйвери. – Это было бы здорово.

– Думаю, дальше сегодня ехать не стоит.

Голос Сидни с другого конца света выдернул меня из сознания Лиссы. Не знаю, как надолго я отключилась, но Сидни успела свернуть с главной дороги и приближалась к маленькому городку, прекрасно укладывавшемуся в мои представления о Сибири как о лесной глуши. Фактически «городок» – это было сильно сказано. Несколько разбросанных домов, магазин и заправочная станция. Позади домов расстилалась возделанная земля; лошадей было больше, чем машин. Несколько находящихся на улице человек изумленно смотрели на наш автомобиль. Небо пылало темно-оранжевым светом, солнце все дальше и дальше опускалось за горизонт. Сидни была права. Вот-вот стемнеет, и нам нельзя продолжать путь.

– Нам осталось всего пара часов, – говорила она. – Мы ехали быстро и завтра рано утром можем оказаться на месте.

Она проехала улицу до конца – на что ушло не больше минуты – и остановилась перед простым белым домом, рядом с которым стоял сарай.

Мы выбрались из машины и направились к дому.

– Это твои друзья?

– Нет. Никогда с ними не встречалась. Но они ждут нас.

Все те же таинственные связи алхимиков. На стук в дверь показалась дружелюбного вида женщина лет за двадцать и пригласила нас войти. Она знала по-английски всего несколько слов, но Сидни прекрасно справилась с ролью переводчицы. Такой общительной и очаровательной я ее до сих пор не видела – наверно, потому, что хозяева не принадлежали к презренным вампирам.

Можно предположить, что ехать полдня в машине не так уж утомительно, но я чувствовала себя усталой и беспокоилась, чтобы завтра мы выехали как можно раньше. Поэтому после обеда мы с Сидни немного посмотрели телевизор и удалились в приготовленную для нас комнату, маленькую, простую, но с двумя двуспальными кроватями, накрытыми толстыми пуховыми одеялами. Я тут же нырнула в свою, радуясь теплу. Интересно, я увижу во сне Лиссу или Адриана?

Нет. Однако, проснувшись, я ощутила легкий приступ тошноты – той самой, которая свидетельствовала о том, что рядом стригой.

Шесть

Я мгновенно подскочила, полностью проснувшись и настороже, мне потребовалось несколько мгновений, прежде чем глаза приспособились к темноте. Сидни свернулась на своей постели и спала с необычно мирным для нее выражением лица.

Где стригой? Определенно не в нашей комнате. В доме? Все говорили, что дорога к городу Дмитрия опасна. Мне, однако, казалось, что стригои охотятся на вампиров и мороев, хотя... и людьми они тоже не брезговали. Подумав о приятной паре, так любезно принявшей нас в своем доме, я почувствовала, как в груди все сжалось. Я не допущу, чтобы с ними что-то случилось.

Тихонько выбравшись из постели, я взяла свой кол и, крадучись, чтобы не разбудить Сидни, вышла из комнаты. Все спали, и как только я добралась до гостиной, тошнота исчезла. Прекрасно. Стригоя внутри нет, и это хорошо. Он снаружи; по-видимому, со стороны нашей комнаты. Все так же бесшумно я вышла через переднюю дверь и обогнула дом.

По мере приближения к сараю тошнота усиливалась, и я не смогла сдержать чувство некоторого самодовольства. Да уж, удивится стригой, пробравшийся в крошечную человеческую деревню в расчете перекусить. Вот. Прямо у входа в сарай двигалась длинная тень.

«Я тебя засекла», – мелькнула мысль.

Я подняла кол, готовясь прыгнуть вперед...

И тут что-то ударило меня по плечу.

Я пошатнулась в изумлении – и оказалась лицом к лицу со стригоем. Уголком глаза я заметила, как тень около сарая материализовалась во второго стригоя, быстро шагнувшего вперед. Меня охватила волна паники. Их было двое, а моя тайная система обнаружения не «видела» различия между одним и двумя. Хуже того, получалось, что это они застали меня врасплох.

Мгновенно в сознании вспыхнуло: «А что, если один из них Дмитрий?»

Но нет – по крайней мере, это относилось к тому, что был ко мне ближе. Это вообще оказалась женщина. Про второго я пока сказать ничего не могла. Он приближался с другой стороны, очень быстро. Прежде, однако, надо было устранить непосредственную угрозу. Я с силой ударила колом женщину, надеясь ранить ее, но она увернулась, так быстро, что я едва разглядела ее движение. И тут же сама получила удар, не успела среагировать и отлетела ко второму стригою – который не был Дмитрием, как выяснилось.

Тут я среагировала быстро – вскочила и ударила его ногой, выставив перед собой кол, чтобы не подпускать его к себе. Однако толку от этого было мало – сзади подобралась женщина, схватила меня и рывком притянула к себе. Я издала придушенный крик и почувствовала на шее ее пальцы. Надо полагать, она рассчитывала сломать мне шею – быстрый, легкий для стригоев прием, – а потом, как они делали обычно, оттащить куда-нибудь в сторонку и полакомиться.

Я вырывалась, сумела слегка разжать ее руки, но тут над нами наклонился второй стригой, и я поняла, что все тщетно. Я не ожидала, что их окажется двое – вот как они взяли надо мной верх. Вместе они были сильнее.

Меня снова окатила волна паники, страха и отчаяния. Вообще-то я боялась каждый раз, когда сражалась со стригоем, но сейчас страх достиг критической точки, он был всеобъемлющ и не поддавался контролю; подозреваю, что в нем присутствовала примесь того безумия и тьмы, которые я вытягивала из Лиссы. Эти чувства распирали меня изнутри, и я невольно подумала – а не разорвут ли они меня на части раньше, чем это сделают стригои? Сейчас мне реально угрожала смерть – а значит, Сидни и остальным тоже.

Потом, внезапно, как будто распахнулась сама земля, неизвестно откуда возникли полупрозрачные фигуры, мягко мерца в полумраке. Некоторые выглядели как обычные люди, дру-

гие были ужасны, с отталкивающими, похожими на черепа лицами. Духи. Призраки. Они окружили нас, и волосы у меня встали дыбом, а голову прошила жуткая боль.

Призраки потянулись ко мне. Такое уже случалось прежде, в самолете, когда привидения роились вокруг, угрожая поглотить меня. Собрав все свои силы, я отчаянно старалась выстроить барьеры между собой и миром духов. Обычно это давалось мне без труда, но сейчас отчаяние и паника мешали сосредоточиться. В этот ужасный миг, поддавшись эгоизму, я пожелала, чтобы Мейсон не сумел обрести покой и оставался в нашем мире. Мне было бы легче, если бы здесь присутствовал и его призрак.

Потом я осознала, что они нацелились не на меня.

Призраки сгрудились вокруг стригоев. Их тела не были плотными, но я знала по собственному опыту – в каждом месте, которого они касались, возникало ощущение ледяного ожога. Женщина-стригой замахала руками, отгоняя привидения, рыча от ярости и даже чего-то вроде страха. Похоже, призраки не могли причинить стригоям вреда, но они раздражали и отвлекали их.

Я проткнула мужчину-стригоя колом до того, как он заметил мое приближение, и окружавшие его призраки переместились к женщине. Она была хороша, надо признать. Продолжая отмахиваться от привидений, она не утратила способности увертываться от моих ударов и даже сама врезала мне с такой силой, что я отлетела к стене сарая, а в глазах вспыхнули звезды. Ситуацию не улучшало и то, что голова по-прежнему раскалывалась от боли, как обычно в присутствии призраков. Пошатываясь и испытывая головокружение, я вернулась к ней, снова и снова пытаюсь пронзить колом ее сердце. Она не подпускала меня к своей груди – по крайней мере до тех пор, пока какой-то в особенности жуткий призрак не сумел заставить ее врасплох. Он отвлек ее всего на мгновение, но этого хватило, чтобы я проткнула колом и ее. Она упала на землю – и я осталась один на один с призраками.

Что касается стригоев, призраки явно нападали на них. Что касается меня, это было как в самолете – казалось, они восхищаются мной, жаждут привлечь мое внимание. Однако если учесть, что их были дюжины, это мало чем отличалось от нападения.

Я отчаянно, прикладывая мучительные усилия, старалась снова отгородиться от них стенами – как делала прежде. Думаю, появление призраков объяснялось тем, что под влиянием паники мои эмоции вырвались из-под контроля, и, хотя сейчас я заметно успокоилась, полностью утихомирить разбушевавшиеся эмоции оказалось нелегко. В голове продолжала пульсировать боль. Стиснув зубы, я вкладывала все свои силы в блокирование призраков.

– Убирайтесь! – шипела я. – Вы мне больше не нужны.

Казалось, все без толку, но потом, медленно, один за другим, призраки начали таять. Способность владеть собой тоже возвращалась. Вскоре остались лишь я, тьма, сарай... и Сидни.

Я заметила ее как раз перед тем, как рухнула на землю. Она с бледным как мел лицом выбежала из дома в одной пижаме. Опустилась рядом со мной на колени, помогла сесть.

– Роза! Роза! Ты в порядке?

Я чувствовала себя так, будто во мне совсем не осталось энергии. Даже думать и то не могла.

– Нет, – прохрипела я.

И потеряла сознание.

Снова мне снился Дмитрий. Он обнимал меня, а его прекрасное, полное беспокойства лицо склонилось надо мной – как это происходило не раз, когда я болела. Вспомнив о чем-то, мы оба рассмеялись. Иногда в этих снах он нес меня на руках. Иногда мы ехали в автомобиле. Временами его лицо начинало приобретать черты стригоя – это было ужасно мучительно.

Дмитрий всегда заботился обо мне и всегда был рядом, когда я нуждалась в нем. Это, как правило, совпадало. Сам он не так часто попадал в лазарет, как я. Такая уж моя удача.

Даже получив ранение, он обычно просто игнорировал это, и в своих снах мне иногда являлись образы того, как я ухаживаю за ним.

Незадолго до нападения стригоев на школу Дмитрий принимал участие в проверочных испытаниях, которым подвергались новички с целью выявить их реакцию на неожиданную атаку. Дмитрий был настолько сильным и умелым, что его было почти невозможно одолеть, хотя и он нередко ходил в синяках. Как-то во время этих проверочных испытаний я наткнулась на него в гимнастическом зале и с удивлением заметила порез у него на щеке. Ничего страшного, конечно, но крови натекло изрядно.

– Ты ведь можешь так до смерти истечь кровью, разве непонятно? – воскликнула я.

Небольшое преувеличение, но тем не менее.

Он рассеянно коснулся щеки и, казалось, впервые заметил рану.

– Вряд ли. Пустяки.

– Да, пустяки – пока туда не попадет инфекция!

– Ты не хуже меня знаешь, что это маловероятно, – упрямо сказал он.

Так оно и было. Морои – если случайно не подцепляли какое-нибудь редкое заболевание, как это произошло с Виктором Дашковым, – вообще практически не болели. Мы, дампиров, унаследовали от них это свойство, татуировка Сидни обеспечивала ее аналогичной защитой. Тем не менее я не хотела, чтобы Дмитрий истекал кровью.

– Иди туда! – жестко приказала я и кивнула на маленькую ванную комнату при гимнастическом зале.

К моему удивлению, он повиновался.

Я намочила мочалку и осторожно очистила его лицо. Поначалу он протестовал, но потом успокоился. Ванная была маленькая, и нас разделяли всего несколько дюймов. Я ощущала его чистый, возбуждающий запах, изучала все детали лица и сильного тела. Сердце колотилось как бешеное, но предполагалось, что мы будем вести себя хорошо, поэтому я старалась выглядеть спокойной и собранной. Он тоже был неестественно спокоен, но когда я убирала его волосы за уши, чтобы они не мешали очищать лицо, он вздрогнул. Когда я касалась его кожи, все тело как будто прошивали электрические разряды, и он тоже чувствовал их. Схватив меня за руку, он отодвинул ее от себя.

– Хватит! – хрипло сказал он. – Я в порядке.

– Уверен?

Он не отпускал мою руку. Мы были так близко друг к другу! Казалось, маленькая ванная комната вот-вот взорвется от мечущегося между нами электричества. Я понимала, что так не может продолжаться вечно, но мне ненавистна была мысль покинуть его. Господи, как это трудно временами – быть ответственной!

– Да, – ответил он.

Его голос звучал мягко, и я поняла, что он не сердится на меня. Он опасался, опасался того, как мало нужно, чтобы между нами вспламенился огонь. Меня охватывал жар от одного прикосновения его руки, и лишь в эти моменты я чувствовала себя по-настоящему цельной, такой, какой всегда хотела быть.

– Спасибо, Роза.

Он отпустил мою руку, и мы разошлись по своим делам. Однако ощущение его кожи и волос оставалось со мной еще на протяжении многих часов...

Не знаю, почему мне приснилась именно эта сцена после нападения в сарае. Казалось странным – видеть во сне, как я ухаживаю за Дмитрием в тот момент, когда я сама нуждалась в уходе. Думаю, неважно, что именно мне приснилось; главное, что там присутствовал Дмитрий. Его появление даже во сне всегда заставляло меня чувствовать себя лучше, придавало сил и решимости.

Но пока я лежала в бредовом состоянии, то приходя в сознание, то снова теряя его, время от времени на его лице проступали эти ужасные красные глаза и клыки. Я жалобно поскуливала, стараясь отогнать этот образ. Иногда он вообще не напоминал Дмитрия, превращался в мужчину, которого я не знала, пожилого мороя с темными волосами и хитрыми глазами, с золотыми украшениями на шее и в ушах. Я снова взывала к Дмитрию, и его прекрасное лицо возвращалось, неся покой и безопасность.

В какой-то момент, однако, его образ опять сменился другим, на этот раз женским. Конечно, это был не Дмитрий, но что-то в ее карих глазах напоминало о нем. Дампирка, лет за сорок. Она положила на мой лоб прохладную влажную ткань, и я осознала, что больше не сплю. Все тело болело, я лежала в незнакомой постели, в незнакомой комнате. Никаких признаков стригоев. Может, они мне тоже приснились?

– Не шевелись, – сказала женщина с еле заметным русским акцентом. – Ты сильно пострадала.

Воспоминания вернулись – и о том, что произошло в сарае, и о сонме призраков, которых я вызвала. Это был не сон.

– Где Сидни? С ней все хорошо?

– Прекрасно. Не волнуйся.

Что-то в голосе женщины подсказывало, что ей можно верить.

– Где я?

– В Бийске.

Бийск, Бийск... Где-то в глубине сознания шевелилось воспоминание о том, что я уже слышала это название. И внезапно все стало ясно. Давным-давно Дмитрий произносил название своего родного города, всего лишь раз, и сколько я потом ни пыталась, не могла вспомнить его. Сидни тоже не говорила, как он называется, однако теперь мы были здесь. На родине Дмитрия.

– Кто вы? – спросила я.

– Алена. Алена Беликова, – ответила она.

Семь

Это было как рождественский подарок.

Я не очень-то верю в Бога или судьбу, однако теперь всерьез задумалась, не стоит ли пересмотреть свою позицию. Когда я потеряла сознание, Сидни, по-видимому, сделала несколько настойчивых звонков, и какой-то ее знакомый приехал из Бийска и отвез нас, рискуя в темноте, туда, где меня могли подлечить. Вот почему иногда в бреду мне казалось, что я еду в машине, – это был вовсе не сон.

И потом из всех дампиров Бийска я попала именно к матери Дмитрия. Поневоле задумаешься, что, может, во Вселенной действуют силы более могущественные, чем человеческие и, в частности, мои. Никто не объяснил мне точно, как это произошло, но вскоре выяснилось, что Алена Беликова имела репутацию целительницы – и не какой-нибудь там магической. Она обучалась медицине, и другие дампиры – и даже некоторые морои – приезжали к ней, когда не хотели привлекать внимание людей. Тем не менее совпадение было фантастическое, и меня не покидало чувство, будто происходит что-то, чего я не понимаю.

Сейчас, однако, все эти «как» и «почему» отступили на второй план под напором текущих обстоятельств. Широко распахнутыми глазами я внимательно приглядывалась к своему окружению и здешним жителям. Вместе с Аленой жили все три сестры Дмитрия со своими детьми. Семейное сходство поражало. Никто не был точной копией Дмитрия, но в каждом лице я видела его. Глаза. Улыбка. Даже чувство юмора. Видеть их – это отчасти заполняло пустоту, которую я ощущала после его исчезновения, и одновременно делало ситуацию еще хуже. Если кто-нибудь из них попадал в поле моего периферийного зрения, казалось, что я вижу Дмитрия. Словно дом, полный кривых зеркал, с искаженными отражениями Дмитрия в каждом из них.

Даже сам дом вызывал у меня трепет. Не было никаких очевидных признаков того, что Дмитрий когда-то жил здесь, но в голове все время билось: «Здесь он вырос, ходил по этим полам, прикасался к этим стенам...» Переходя из комнаты в комнату, я тоже дотрагивалась до стен, стремясь напитаться из них его энергией. Представляла себе, как после школы он лежит на диване. Интересно, он съезжал по перилам, когда был маленьким? Эти образы были так реальны, что приходилось то и дело напоминать себе – он не был тут уже давным-давно.

– Ты удивительно быстро поправляешься, – заметила Алена на следующее утро.

Она с удивлением смотрела, как я уминаю грудку блинов, очень тонких, проложенных маслом и джемом. Мое тело всегда требовало много еды, чтобы поддерживать силы, и я считала, что в этом нет ничего плохого, просто нужно не забывать жевать с закрытым ртом.

– Мне показалось, ты мертвая, – продолжила она, – когда Эйб и Сидни принесли тебя.

– Кто? – умудрилась я спросить между двумя кусками.

Сидни сидела за столом вместе с остальными членами семьи и, как обычно, едва-едва прикасалась к пище. Чувствовалось, что ей не по себе в окружении дампиров, но, поднявшись этим утром по лестнице, я определенно заметила облегчение в ее глазах.

– Эйб Мазур, – ответила Сидни, мне показалось, что сидящие за столом обменялись понимающими взглядами. – Он морой. Я... Я не знала, насколько сильно ты пострадала прошлой ночью, вот и позвонила ему. Он приехал со своими стражами. Это он привез тебя сюда.

Стражи. Во множественном числе.

– Он из королевской семьи?

Такой королевской семьи я не знала, но это не всегда говорило о происхождении. И хотя я понемногу начала доверять умению Сидни налаживать контакты с влиятельными людьми, я не могла представить себе, с какой стати королевский морой бросил свои дела ради меня. Может, алхимики оказали ему какую-то любезность?

– Нет, – ответила она.

Я задумалась. Морой не из королевской семьи, имеющий больше одного стража? Очень странно. Она, однако, явно никаких разъяснений давать не собиралась, по крайней мере сейчас.

Я проглотила последний кусок блина и посмотрела на Алену.

– Спасибо, что взяли меня к себе.

Старшая сестра Дмитрия, Каролина, тоже сидела за столом, с малышкой и сыном Павлом. Павел, мальчик лет десяти, казалось, был очарован мной. Здесь присутствовала и средняя сестра Дмитрия, Виктория, на вид младше меня. Третью его сестру звали Соня; она ушла на работу до моего пробуждения. Мне еще только предстояло встретиться с ней.

– Ты правда сама убила двух стригоев? – спросил Павел.

– Павлик, – выбрала его Каролина, – невежливо задавать такие вопросы.

– Но это потрясающе, – с улыбкой заметила Виктория.

В ее каштановых волосах мелькали золотые пряди, но темные глаза искрились в точности как у Дмитрия, когда он был радостно взволнован, при виде чего щемило сердце. И снова меня охватило странное ощущение, что Дмитрий и здесь, и не здесь.

– Это правда, – сказала Сидни. – Я видела тела.

На ее лице застыло комически страдающее выражение, и я рассмеялась.

– По крайней мере, на этот раз тебе не пришлось их искать. – Внезапно мой смех смолк. – Люди что-нибудь слышали или видели?

– Нет, я избавилась от тел еще до этого, – ответила она. – Не страшно, если люди что-то заметили. В таких глухих местах всегда распространены суеверия и ходят рассказы о призраках. Никаких фактических доказательств присутствия вампиров тамошние жители не имеют, но все верят в существование сверхъестественных сил.

Когда она произносила слова «рассказы о призраках», выражение ее лица не изменилось. Интересно, она видела этой ночью духов? Поразмыслив, я решила, что, скорее всего, нет. Она выбежала из дома ближе к концу нашей схватки; получается, что призраков могла видеть только я – и стригои.

– Ты, видимо, прошла хорошее обучение, – сказала Каролина, поудобнее устроивая младенца на плече. – Ты выглядишь так, словно еще должна быть в школе.

– Только что сбежала оттуда.

Сидни бросила на меня внимательный взгляд.

– Ты американка, – заметила Алена. – Что привело тебя в наши края?

– Я... Я ищу кое-кого, – не сразу, но ответила я.

Я опасалась, что они начнут выпытывать детали или что у нее тоже возникнут подозрения насчет того, не хочу ли я стать «кровавой шлюхой», но как раз в этот момент дверь кухни открылась и вошла бабушка Дмитрия, Ева. Раньше она уже всовывала сюда голову и сильно напугала меня. Дмитрий говорил, что она в некотором роде ведьма, и теперь я верила этому. Она выглядела на миллион лет и была такая худая, что просто удивительно, как это ее не сдувало ветром. Ростом она едва ли достигала пяти футов, седые волосы торчали на голове клоунами, но больше всего на меня нагнали страху ее глаза. Несмотря на внешнюю хрупкость, ее взгляд светился пронизательностью, настороженностью и, казалось, проникал в самую душу. Даже без объяснений Дмитрия я сочла бы ее ведьмой. Также она была единственной в доме, кто не говорил по-английски.

Она уселась у стола, и Алена тут же вскочила, чтобы подать еще блинов. Ева пробормотала что-то по-русски, отчего все явно почувствовали себя неловко. Губы Сидни изогнулись в еле заметной улыбке. Говоря, Ева не отрывала от меня взгляда, и я оглянулась в надежде, что кто-нибудь переведет.

– Что?

– Бабушка говорит, что ты не рассказываешь нам всей правды, зачем ты здесь. Она говорит, чем дольше ты умалчиваешь, тем хуже будет, – объяснила Виктория, бросив на Сидни извиняющийся взгляд. – И она хочет знать, когда уедет алхимик.

– Как только будет возможно, – сухо ответила Сидни.

– Зачем я здесь... Это долгая история.

Надеюсь, я высказалась достаточно неопределенно.

Ева сказала что-то еще, и Алена возразила ей с оттенком укора, а потом мягко обратилась ко мне:

– Не обращай на нее внимания, Роза. Она в скверном настроении. Зачем ты здесь – это твое дело... хотя, думаю, Эйб захочет переговорить с тобой. Ты должна поблагодарить его. Он принял в тебе большое участие.

– Я тоже не против встретиться с ним, – пробормотала я.

Этот прекрасно защищенный, хотя и некоролевский морой, который привез меня сюда и, казалось, заставил всех испытывать неловкость, разжег мое любопытство. Стремясь избежать дальнейших расспросов о цели своего появления здесь, я поспешно сменила тему разговора:

– Мне также хотелось бы пройтись по Бийску. Я никогда раньше не бывала в таких местах... в смысле, где живет много дампиров.

Виктория просияла.

– Я с удовольствием устрою тебе эту прогулку, если, конечно, ты хорошо себя чувствуешь. Или если ты не должна уехать прямо сейчас.

Она считала, что я уже выкарабкалась; так фактически и было. Честно говоря, я не знала, что еще мне здесь делать, поскольку, похоже, Дмитрия в городе не было. Я бросила вопросительный взгляд на Сидни.

Она пожала плечами.

– Делай что хочешь. Я никуда не уеду.

Такой ответ отчасти привел меня в замешательство. Она привезла меня сюда, потому что так велело ее начальство – и что теперь? Этим займемся позже.

Едва я покончила с едой, Виктория фактически вытащила меня за дверь, как будто я олицетворяла собой самое волнующее событие, происшедшее здесь в последнее время. На протяжении всей трапезы Ева не отрывала от меня взгляда, и, хотя больше ничего не говорила, ее подозрительный вид явно свидетельствовал о том, что она не верит ни одному моему слову. Я пригласила Сидни с нами, но она отказалась, предпочтя закрыться в своей комнате и читать о греческих храмах, или звонить по всему миру, или заниматься еще чем-то в этом духе.

По словам Виктории, они жили недалеко от центра города. День выдался ясный, прохладный, но солнце делало пребывание на воздухе приятным.

– У нас бывает не много гостей, – объяснила она. – Если не считать моройских мужчин, но по большей части они не задерживаются надолго.

Больше она ничего не добавила, но я задумалась над подтекстом ее слов. Эти моройские мужчины приходят сюда в поисках дампинок? Я выросла с представлением, что все дампирки, не пожелавшие стать стражами, женщины легкого поведения, достойные всяческого осуждения. Те, которых я видела в «Соловье», определенно соответствовали стереотипу «кровавых шлюх», однако Дмитрий уверял меня, что не все дампирки такие. Теперь, познакомившись с Беликовыми, я поверила в это.

По мере приближения к центру города еще один миф рушился прямо на глазах. Люди говорили, что «кровавые шлюхи» всегда живут в лагерях или коммунах, но здесь это выглядело совсем иначе. Бийск – небольшой город, несравнимый с Санкт-Петербургом или даже с Омском, но это самый настоящий город, и населения (я имею в виду людей) в нем немало. Не какой-нибудь сельский лагерь, нет. Поразительно обычная обстановка, в центре маленькие

магазинчики и рестораны; в общем, никаких отличий от любого другого человеческого города в мире. Современный и заурядный, с легким налетом провинциальности.

– Где все дампиров? – спросила я.

По словам Сидни, здесь существовала тайная дампирская субкультура, но я не видела никаких ее признаков.

Виктория улыбнулась.

– О, они здесь. У нас много предприятий и других мест, о которых люди не знают. – Понятно, что в большом городе дампиров могут оставаться незамеченными, но здесь это было трудно себе представить. – И многие из нас просто живут и работают с людьми. – Она кивнула на аптеку. – Вот здесь сейчас работает Соня.

– Сейчас?

– Сейчас, когда она беременна. – Виктория закатила глаза. – Я отвела бы тебя повидаться с ней, но в последнее время она очень раздражительна. Малыш должен вскоре появиться на свет.

Она оставила эту тему, а я снова задумалась о взаимоотношениях здешних мороев и дампиров. Разговор продолжался в легком, непринужденном и даже не лишнем поддразнивания тоне. Виктория была приятная девушка, и спустя час мы ладили друг с другом, как будто были знакомы целую вечность. Может, мое расположение к этой семье объяснялось еще и привязанностью к Дмитрию.

Неожиданно кто-то окликнул Викторию, прервав мои размышления. Улицу переходил симпатичный дампирский парень, с волосами цвета бронзы и карими глазами, по возрасту где-то посередине между мной и Викторией.

Он непринужденно заговорил с ней. Она улыбнулась ему и сделала жест в мою сторону, видимо представляя меня по-русски.

– Это Николай, – объяснила она мне по-английски.

– Рад познакомиться, – тоже по-английски сказал он, бросив на меня быстрый оценивающий взгляд, как парни часто делают, но когда он обратился к Викторией, стало совершенно ясно, кто именно объект его интереса. – Ты должна привести Розу на вечеринку к Марине. В воскресенье вечером. – У него внезапно сделался робкий вид. – Ты-то сама придешь?

Виктория задумалась, и мне стало ясно, что она не догадывается о его влюбленности.

– Я собираюсь, но... – Она посмотрела на меня. – Ты еще будешь здесь?

– Не знаю, – честно призналась я. – Но если буду, то пойду с тобой. Что за вечеринка?

– Марина – школьная подруга, – объяснила Виктория. – Мы просто соберемся вместе и повеселимся, прежде чем возвращаться.

– В школу? – тупо спросила я.

Мне как-то никогда не приходило в голову, что здешние дампиров тоже могут ходить в школу.

– Сейчас у нас каникулы, – объяснил Николай. – В честь Пасхи.

– А-а-а...

Был конец апреля, но я понятия не имела, когда в этом году Пасха. Я вообще потеряла счет дням. Но Пасхи точно пока не было, значит, каникулы в их школе начались за неделю до Пасхи. А вот в Академии Святого Владимира это была неделя после.

– И где ваша школа?

– Примерно на расстоянии трех часов отсюда. Еще дальше, чем эта глухомань.

Виктория состроила гримасу.

– В Бийске не так уж плохо, – поддразнил ее Николай.

– Тебе легко говорить. В конце концов ты уедешь отсюда и увидишь новые, интересные места.

– А ты нет? – спросила я ее.

Она нахмурилась, явно испытывая неловкость.

– Я могла бы... но мы так не поступаем здесь... по крайней мере, в нашей семье. У бабушки свои... твердые взгляды касательно мужчин и женщин. Николай станет стражем, а я останусь здесь, с семьей.

Николай внезапно снова заинтересовался мной.

– Ты страж?

– Ну...

Теперь я чувствовала неловкость.

Виктория заговорила прежде, чем я придумала, что сказать.

– Она убила двух стригоев неподалеку от города. Сама.

Это, казалось, произвело на него впечатление.

– Ты страж.

– Ну, нет... Я убивала их и прежде, но клятву не давала.

Я повернулась спиной и приподняла волосы, обнажая шею. Кроме всех обычных знаков молний там была маленькая татуировка в форме звезды, означающая, что я участвовала в сражении. Оба они буквально раскрыли рты, и Николай сказал что-то по-русски. Я опустила волосы и повернулась.

– Что?

– Ты... – Виктория прикусила губу, в глазах появилось задумчивое выражение, как будто она подыскивала слова. – Ты отказница. Так мы называем тех, кто прошел обучение, но отказывается быть стражем. Не знаю, как это сказать по-английски.

– Отказница? Наверно... Но фактически разве не все здешние женщины такие?

– Даже если мы не стражи, нам наносят знаки, показывающие, что мы прошли обучение. Эти знаки, правда, не означают, что мы обещаем быть стражами. Ты – другое дело. Ты убила столько стригоев, но отрекалась и от школы, и от стражей... Вот кого мы называем отказниками... и это необычно.

– Это необычно и там, откуда я приехала.

Неслыханно, точнее говоря. У нас даже нет термина для обозначения подобного поведения. Такого просто не бывает.

– Мне пора идти, – сказал Николай, не отрывая от Виктории влюбленного взгляда. – Но мы увидимся с тобой у Марины? Или, может, раньше?

– Да, – ответила она.

Они попрощались по-русски, и он вприпрыжку снова перешел улицу, с той легкой, атлетической грацией стража, которую дает обучение. Это снова напомнило мне о Дмитрии.

– Это я, наверно, спугнула его, – сказала я.

– Нет, он от тебя в восторге.

– Не в той мере, как от тебя.

Она вскинула брови.

– Что?

– Ты ему нравишься... В смысле, по-настоящему нравишься. Разве ты не замечаешь?

– Ох, мы просто друзья.

И, судя по выражению ее лица, так оно и было – для нее. Она была совершенно равнодушна к нему. Жаль. Он красивый, приятный парень. Бедняга.

Когда Николай скрылся из вида, я вернулась к вопросу о стражах.

– Ты сказала, что не можешь быть стражем... но ты хотела бы?

Она помолчала.

– Я никогда всерьез не рассматривала такую возможность. В школе мы все проходим одинаковое обучение, и мне нравится, что я в состоянии защитить себя. Однако я предпочитаю охранять свою семью, а не какого-нибудь мороя. – Она снова задумалась, подбирая нужные

слова. – Дискриминация по половому признаку? Может быть. Однако у нас так – мужчины становятся стражами, а женщины остаются дома. Только мой брат покинул нас.

Я чуть не споткнулась.

– Брат? – переспросила я, стараясь, чтобы голос не выдал меня.

– Дмитрий. Он старше меня и стал стражем. Он где-то с США, между прочим. Мы давно с ним не виделись.

– Ммм...

Я испытывала ощущение ужаса и вины. Вины – потому что скрывала правду от Виктории и остальных. Ужас – потому что, похоже, никто не потрудился сообщить новости его семье. Улыбаясь собственным воспоминаниям, Виктория не заметила, что у меня изменилось настроение.

– Павлик ну в точности Дмитрий в том же возрасте. Я покажу тебе его фотографии – и кое-какие недавние тоже. Дмитрий очень хорош собой.

Я не сомневалась, что фотографии маленького Дмитрия разорвут мне сердце. Чем больше Виктория рассказывала о нем, тем хуже я себя чувствовала. Она понятия не имела, что с ним стряслось, и, хотя они не виделись вот уже года два, было ясно, что она и остальные члены семьи любят его до безумия. Удивляться, конечно, нечему. (Если уж на то пошло, разве можно не любить Дмитрия?) Я провела с ними всего одно утро, но этого хватило, чтобы почувствовать, насколько все они близки. Из рассказов Дмитрия я знала, что он тоже без ума от них.

– Роза? С тобой все в порядке?

Виктория обеспокоенно смотрела на меня – видимо, потому, что за последние десять минут я не произнесла ни слова.

Мы сделали круг и теперь почти подошли к дому. Глядя в ее открытое, дружелюбное лицо, в глаза, так похожие на глаза Дмитрия, я поняла, что еще должна сделать перед тем, как продолжить поиски Дмитрия. Я сглотнула.

– Со мной... да. Думаю, мне нужно поговорить с тобой и остальными членами вашей семьи.

– Конечно, – ответила она с тревогой в голосе.

Алена и Каролина хлопотали на кухне. Я подумала, что они готовят обед, что пугало, учитывая, какой грандиозный совсем недавно был завтрак. Поживи я здесь, определенно привыкла бы обедаться, как они. В гостиной Павел строил из «Лего» сложную беговую дорожку. Неподалеку от него Ева сидела в кресле-качалке, вязала носки и выглядела как самая типичная бабушка на свете. Разве что бабушки обычно не выглядят так, словно способны испепелить вас взглядом.

Алена разговаривала с Каролиной по-русски, но переключилась на английский, увидев меня.

– Вы вернулись раньше, чем я ожидала.

– Мы посмотрели город, – ответила Виктория. – И... Роза хочет поговорить с нами. Со всеми.

Алена бросила на меня недоуменный, озабоченный взгляд.

– Что случилось?

Под взглядами всех этих устремленных на меня одинаковых глаз сердце глухо заколотилось в груди. Как я смогу сказать им? Заставить их... и себя... пережить ужасное известие... нет, это невыносимо. Все стало еще хуже, когда в кухню поспешно вошла Ева. Может, некое мистическое чувство подсказало ей, что сейчас случится что-то важное.

– Давайте присядем, – сказала я.

Павел оставался в гостиной, и это было хорошо. Вряд ли у меня повернулся бы язык сказать то, что я должна была, в присутствии ребенка, к тому же так похожего на Дмитрия.

– Роза, что случилось? – повторила Алена.

Она вела себя так мило, так... по-матерински, что я едва не расплакалась. Всякий раз, сердясь на собственную мать за то, что ее нет рядом, когда она нужна, я сравнивала ее с образом некоей идеализированной мамы – такой, типа, как мама Дмитрия, поняла я теперь. Его сестры тоже выглядели встревоженными – словно я для них не чужой человек, словно мы знали друг друга вечность. А ведь мы впервые встретились только сегодня утром. Глаза обожгли слезы. На лице Евы, однако, застыло очень странное выражение – как будто она ожидала чего-то в этом роде.

– Ну... Причина того, почему я здесь... В общем, я искала вас.

Это была не совсем правда – я искала Дмитрия и почти не задумывалась о том, чтобы найти его семью, и только сейчас осознала, как хорошо, что это произошло.

– Видите ли, Виктория рассказала мне о Дмитрии. – (Лицо Алены осветилось при упоминании имени ее сына.) – И... я знала... ну... знаю его. Он был стражем в нашей школе. Моим учителем фактически.

Каролина и Виктория тоже просияли.

– Как он? – спросила Каролина. – Мы уже сто лет его не видели. Ты знаешь, когда он собирается приехать сюда?

Прямо ответить на этот вопрос было выше моих сил, поэтому я перешла к изложению самой истории – пока еще не утратила мужества перед всеми этими любящими лицами. Ощущение было такое, словно говорю не я, а кто-то другой моими устами.

– Месяц назад... на нашу школу напали стригои. Очень серьезная атака... огромная банда стригоев. Мы потеряли многих, и мороев, и дампиров.

Алена воскликнула что-то по-русски. Виктория наклонилась ко мне.

– В Академии Святого Владимира?

– Вы слышали о том, что произошло? – удивилась я.

– Все слышали, – ответила Каролина. – Значит, это и есть твоя школа? Ты была там той ночью?

Я кивнула.

– Неудивительно, что у тебя так много знаков молнии, – восхищенно сказала Виктория.

– И Дмитрий сейчас там? – спросила Алена. – Мы не знаем, куда его перевели в последний раз.

– Ну да... – Язык, казалось, распух и еле ворочался, мешая даже дышать. – Я была в школе в ночь нападения, – повторила я. – И Дмитрий тоже. Он был одним из тех, кто руководил сражением... и так бился... так храбро... и...

Мои слова сошли на нет, но к этому моменту все уже поняли суть. Алена тяжело задыхалась и снова забормотала по-русски; я разобрала лишь слово «Бог». Каролина словно окаменела, но Виктория наклонилась ко мне. Ее глаза, ужасно похожие на глаза брата, смотрели на меня так пристально, так пристально, как смотрел бы он, если бы хотел услышать от меня правду, какой бы страшной она ни была.

– Что произошло? – требовательно спросила она. – Что случилось с Дмитрием?

Я отвела взгляд от их лиц, и на дальней стене гостиной заметила этажерку, заполненную старыми книгами в кожаных обложках, с золотыми буквами, вытисненными на корешках. Дмитрий как-то упоминал о них.

«Моя мать собирала старые приключенческие романы, – говорил он. – Обложки были такие красивые, и я обожал их. Иногда она давала мне почитать эти книги, только осторожно».

Мысль о молодом Дмитрие, сидящем перед этой этажеркой и бережно переворачивающем страницы – и, да, он мог быть очень бережен, – почти заставила меня забыть, зачем я здесь. Может, именно отсюда его любовь к вестернам?

Да, я отвлеклась и утратила весь свой запал. Я не могла сказать им правду. Эмоции и воспоминания захлестнули меня, сколько я ни старалась думать о чем угодно, только не о сражении.

Потом я снова взглянула на Еву, и что-то в сверхъестественно понимающем выражении ее лица непостижимым образом подхлестнуло меня. Я посмотрела на остальных.

– Он бился исключительно храбро, а после сражения возглавил отряд по спасению людей, которых захватили стригои. Он и там действовал потрясающе, только... потом... он...

Я снова замолчала, чувствуя, как по щекам бегут слезы. В сознании прокручивалась та ужасная сцена в пещере, когда Дмитрий был так близок к свободе, но в последнее мгновение один из стригоев одолел его. Отогнав эти мысли, я сделала глубокий вдох. Я должна довести дело до конца. Я в долгу перед этой семьей.

И смягчить удар было невозможно.

– Один из стригоев... одолел Дмитрия.

Каролина уткнулась лицом с плечо матери, Алена не скрывала слез. Виктория не плакала, но ее лицо сохраняло неестественное спокойствие. Она изо всех сил старалась сдерживать эмоции – прямо как Дмитрий. И не сводила с меня пристального взгляда, желая знать правду.

– Дмитрий мертв, – сказала она наконец.

Это прозвучало как утверждение, не как вопрос, но она хотела, чтобы я подтвердила ее предположение. На мгновение у меня мелькнула мысль ухватиться за эту подсказку, сказать им, что да, Дмитрий мертв. Так им сказали бы в Академии, так им сказали бы стражи. И так было бы легче для них... но я почему-то не могла солгать им, пусть даже в порядке утешения. Дмитрий всегда предпочитал правду, и его семья тоже.

– Нет, – сказала я, и на одно краткое мгновение все лица озарила надежда – пока я не заговорила снова. – Дмитрий стал стригоем.

Восемь

Все отреагировали по-разному. Некоторые плакали, некоторые замерли в полном ошеломлении. А Ева и Виктория никак не проявляли своих чувств – в точности, как это сделал бы Дмитрий. Их поведение так напоминало его, что огорчило меня даже больше, чем слезы. Сильнее всего переживала беременная Соня, вернувшаяся незадолго до того, как я открыла им правду. Рыдая, она бросилась в свою комнату и закрылась там.

Все это, однако, продолжалось недолго, поскольку Ева и Алена вскоре развили бурную деятельность. Они быстро заговорили по-русски, явно замышляя что-то. Были сделаны несколько телефонных звонков, и Викторию отослали с поручением. До меня, казалось, никому не было дела, поэтому я просто слонялась по дому, стараясь ни во что не вмешиваться.

В какой-то момент я обнаружила, что стою перед замеченной ранее этажеркой, поглаживая руками книги в кожаных переплетах. Заголовки были русские, но это не имело значения. Прикасаясь к ним и представляя, как Дмитрий держал их в руках и читал, я чувствовала себя ближе к нему.

– Ищешь легкое чтение?

Сидни остановилась рядом со мной. Она не присутствовала при нашем разговоре, но уже слышала новости.

– Куда уж легче, учитывая, что я не знаю языка, – ответила я и кивнула в сторону остальных. – Что там?

– Они собираются помянуть Дмитрия, – ответила Сидни. – Заупокойная служба.

– Но он же не умер...

– Ш-ш-ш... – Она резко оборвала меня и оглянулась на остальных. – Не говори этого.

– Но это правда, – прошептала я.

Она покачала головой.

– Не для них. Здесь... в этих краях... не существует понятия промежуточного состояния. Ты либо живой, либо мертвый. Они ни за что не признают его одним из... этих. – Она не смогла сдержать раздражения в своем голосе. – Во всех отношениях он для них мертв. Они оплачут его и будут жить дальше. И тебе следует поступить так же.

Меня не обидела ее резкая и откровенная позиция, потому что я понимала, что она не хочет обидеть меня. Просто так она это понимала.

Проблема в том, что для меня это «промежуточное состояние» было совершенно реально и просто «жить дальше» я не могла. Пока, по крайней мере.

Последовала пауза.

– Роза... – снова заговорила Сидни, стараясь не встречаться со мной взглядом. – Мне очень жаль.

– В смысле, жаль Дмитрия?

– Я понятия не имела. Я вела себя с тобой не лучшим образом. В смысле, не буду притворяться, что сейчас чувствую к вам симпатию, ведь вы, что ни говори, не люди. Но у вас есть чувства, вы любите и страдаете. И пока мы добирались сюда, ты таила все эти ужасные новости в себе, а я не сделала ничего, чтобы облегчить твою боль. Вот о чем я сожалею. И сожалею, что думала о тебе плохо.

Сначала я посчитала, что под этим «плохо» она разумеет, что и меня относил к злым созданиям, но потом поняла. Все это время она думала, что я собираюсь стать «кровавой шлюхой», а теперь верила, будто моей целью было сообщить новости семье Дмитрия. Я не стала поправлять ее.

– Спасибо, но ты ведь не знала. И, честно, будь я на твоем месте... Я, скорее всего, вела бы себя так же.

– Нет, – возразила она. – Ты всегда любезна с людьми.

Я бросила на нее недоверчивый взгляд.

– Может, последние несколько дней ты путешествовала в компании кого-то другого? Дома у меня репутация человека совсем не любезного. Считалось, что я завожусь с пол-оборота.

Она улыбнулась.

– Да, это так. Но одновременно ты говоришь людям то, что, по твоему мнению, должна. Рассказать Беликовым то, что ты рассказала, – нелегко. Ты можешь быть вежливой и стараться изо всех сил, чтобы людям было легче. Почти всегда.

Я была поражена. Неужели я произвожу такое впечатление? Я вообще-то относилась к себе как к агрессивной суке. Я задумалась: как я вела себя в эти последние дни с Сидни? Много препиралась, да, но если сравнить с остальными, с кем мы встречались, то, наверно, я была дружелюбнее их.

– Ну, спасибо, – повторила я, не зная, что еще сказать.

– Ты уже виделась с Эйбом? Когда вы гуляли по городу?

– Нет. – Я и думать забыла о своем таинственном спасителе. – А должна была?

– Мне просто казалось, он найдет тебя.

– Кто он? Почему он приехал забрать нас, когда ты сказала, что я пострадала?

Сидни явно колебалась, я подумала, что меня ждет очередное молчание алхимиков. Потом, с тревогой оглянувшись, она сказала еле слышно:

– Эйб не королевский морой, но очень влиятельный. Хотя он не русский, но много времени проводит в этой стране, всегда по делам, и легальным, и нелегальным, мне кажется. Он дружен со всеми важными мороями, и временами кажется, что он в значительной степени контролирует алхимиков. Я знаю, он имеет отношение к ритуалу нанесения наших татуировок, но его деловые интересы простираются гораздо дальше. За спиной мы называем его Змеем².

– Как-как?

Очень странное слово – я определенно никогда не слышала его раньше.

Она еле заметно улыбнулась при виде моего недоумения.

– Это русское слово, означающее «змея»³. Но не просто какой-нибудь змей. – Пришурившись, она задумалась, как лучше объяснить. – Это слово используется во множестве мифов. Иногда так называют гигантских змеев, с которыми сражаются герои. Это прозвище также часто носят колдуны со змеиной кровью, о которых сложено немало рассказов. А змей в Эдемском саду, которому Ева обязана своим грехопадением? Он тоже из их числа.

Я вздрогнула. Ладно, это, конечно, было весьма странно, но зато многое встало на свое место. Алхимики предположительно имели связи с правителями и властями, и этот Эйб, по видимому, пользовался у них большим влиянием.

– Алхимики заставили тебя ехать сюда, в Бийск, потому что Эйб хотел встретиться со мной?

И снова она заколебалась, но потом кивнула.

– Когда я звонила той ночью в Санкт-Петербурге, мне было сказано, что тебя ищут. Через алхимиков Эйб приказал мне оставаться при тебе, пока он здесь с тобой не встретится. Думаю, он разыскивал тебя в интересах кого-то.

Я похолодела. Мои страхи реализовывались. Меня разыскивают. Но кто? Если бы это была инициатива Лиссы, я почувствовала бы это, когда проникала в ее сознание. И Адриан, надо думать, тоже тут ни при чем – судя по тому, что он явно не имел представления, где я. Плюс, он ведь сумел понять, зачем мне жизненно необходимо найти Дмитрия.

² Это прозвище Сидни произносит по-русски, чем и объясняется непонимание Розы.

³ Здесь Сидни произносит его по-английски.

Так кто же меня разыскивает? И зачем? Этот Эйб вроде бы высокопоставленный тип – хотя и во влечен в теневой бизнес – и вполне может быть связан с королевой или другими, столь же значимыми людьми. Может, ему приказали найти меня и привезти обратно? Или, учитывая, как сильно королева ненавидит меня, ему, возможно, приказали проследить, чтобы я не вернулась обратно? Может, он наемный убийца? Сидни определенно относилась к нему со смесью страха и уважения.

– Не уверена, что хочу встречаться с ним, – сказала я.

– Не думаю, что он причинит тебе вред. В смысле, если бы хотел, он уже сделал бы это. Однако будь осторожна. Он всегда играет сразу в несколько игр, а что касается секретов, он может составить конкуренцию алхимикам.

– То есть ты не доверяешь ему?

Она бросила на меня удрученный взгляд.

– Ты забыла – я не доверяю никому из вас.

Когда она ушла, я решила выйти из объятых скорбью дома. Усевшись на верхней ступеньке крыльца на заднем дворе, я смотрела, как играет Павел, который строил что-то вроде крепости. Он, конечно, чувствовал, что семья опечалена, но ему было трудно слишком остро воспринимать «смерть» дяди, которого он и видел-то всего пару раз в жизни. Для него эта новость значила гораздо меньше, чем для остальных.

До вечера было еще далеко, заняться мне было нечем, и я решила быстренько «проверить» Лиссу. Мне было любопытно, как там развиваются события с Эйвери Лазар.

Несмотря на свои добрые намерения, Лисса испытывала дурные предчувствия в связи с тем, что пригласила Эйвери на ланч. И что же? Она была приятно удивлена, обнаружив, что Эйвери прекрасно вписывается в их компанию и даже очаровала и Адриана, и Кристиана. Правда, Адриана могла запросто очаровать любая особа женского пола. Кристиан был орешком покрепче, но даже он, казалось, расположился к ней – наверно, потому, что она поддразнивала Адриана. Любой, кто в состоянии подшучивать над Адрианом, дорогого стоил в глазах Кристиана.

– Ну-ка, объясни вот что, – говорила Эйвери, накручивая спагетти на вилку. – Ты просто целый день болтаешься по Академии? Вроде как закрепляешь полученные в средней школе знания?

– Ничего я не закрепляю, – высокомерно ответил Адриан. – Я полностью заправлял своей средней школой. Мне там поклонялись, мной восхищались – впрочем, это неудивительно.

Кристиан рядом с ним чуть не подавился очередным куском.

– Значит, ты пытаешься пережить заново те славные денечки. Теперь-то все у тебя по нисходящей?

– Ничего подобного, – ответил Адриан. – Я похож на доброе вино – становлюсь лучше с возрастом. То ли еще будет!

– Со временем вино вроде бы стареет, – парировала Эйвери, на которую, видимо, не произвело впечатления это сравнение. – Здесь такая скука! Я даже трачу каждый день какое-то время, помогая папе.

– Адриан спит большую часть дня, – заметила Лисса, стараясь сохранить бесстрастное выражение лица. – Поэтому ему фактически не приходится беспокоиться о том, чем занять себя.

– Эй, я трачу массу времени, помогая тебе постигнуть таинства духа, – напомнил ей Адриан.

Эйвери перегнулась через стол, на ее красивом лице вспыхнуло выражение любопытства.

– Значит, это правда? Я слышала всякие рассказы о духе... и о том, что ты можешь исцелять.

Лисса ответила не сразу – она до сих пор не привыкла в открытую говорить о своих магических способностях.

– Среди прочего. Мы пока не разгадали эту загадку.

Адриан был гораздо больше склонен рассуждать на эту тему – возможно, в надежде произвести впечатление на Эйвери – и кратко изложил, на что способен дух типа ауры и принуждения.

– И, – добавил он, – я могу проникать в чужие сны.

Кристиан вскинул руку.

– Хватит. Чувствую, сейчас последует описание того, как женщины грезят о тебе. Я, знаешь ли, только что поел.

– Я не собирался ничего такого делать, – ответил Адриан, хотя выглядел так, словно жалеет, что не он высказал эту шутку.

Глядя на него, я против воли забавлялась. Адриан на людях вел себя так нахально, так легкомысленно... а в моих снах проявлял себя серьезным и участливым. Он был гораздо сложнее, чем казалось на первый взгляд, но практически никто не понимал этого.

Эйвери явно была потрясена.

– Господи, я-то думала, что быть пользователем воздуха – это круто, а теперь вижу, что нет.

Внезапно легкий ветерок отдул ее волосы назад, придав ей такой вид, будто она позирует для фото с рекламой купальников. Она ослепительно улыбнулась остальным. Да, недоставало только фотографа.

Прозвенел звонок, и все встали. Кристиан вспомнил, что оставил домашнее задание в другом классе, и заторопился туда – разумеется, поцеловав Лиссу на прощание.

Адриан тоже ушел почти сразу же.

– Учителя бросают на меня гнусные взгляды, если я болтаюсь тут, когда начинаются уроки. – Он отвесил легкий поклон Лиссе и Эйвери. – До следующего раза, леди.

Эйвери, которой было плевать на то, что думают учителя, пошла с Лиссой на урок. Лицо у нее было задумчивое.

– Значит... ты правда с Кристианом?

Если бы Эйвери видела хотя бы половину того, что я, когда отношения Лиссы и Кристиана только складывались, такого вопроса у нее не возникло бы.

Лисса рассмеялась.

– Да. Ну и что?

Эйвери помолчала, разжигая любопытство Лиссы.

– Я слышала, что у тебя роман с Адрианом.

Лисса почти остановилась.

– Где ты это слышала?

– При дворе. Королева говорит, что вы прекрасная пара и как она счастлива, что вы вместе.

Лисса застонала.

– Значит, вот почему всякий раз, когда я бываю при дворе, она приглашает и его тоже, а потом поручает нам вместе делать для нее всякие вещи. Это происходит не по моей инициативе... Не пойми меня неправильно. Я не возражаю проводить с ним какое-то время, но нас постоянно видят вместе только потому, что Татьяна устраивает это.

– Похоже, она тебе симпатизирует. Она все время говорит о тебе, о твоём высоком потенциале и о том, как она гордится тобой.

– Думаю, она гордится тем, что манипулирует мной. Ездить туда так неприятно. Она то ли полностью игнорирует тот факт, что я встречаюсь с Кристианом, то ли пользуется любой возможностью, чтобы вбить клин между нами.

Королева Татьяна, как и многие другие, никогда не могла простить Кристиану, что его родители по доброй воле стали стригоями.

– Извини, – сказала Эйвери, и, судя по ее виду, она действительно испытывала неловкость. – Я не хотела огорчать тебя. Меня просто интересует, свободен ли Адриан, вот и все.

Лисса не сердилась на Эйвери. Ее гнев был обращен на королеву, на то, как она заставляет всех плясать под свою дудку. В морейском мире король или королева правят с незапамятных времен, и Лисса думала, что настало время перемен. Нужна система, где все будут иметь одинаковое право слова – и королевские, и некорлевские морои. И даже дампир.

Чем больше она думала об этом, тем сильнее злилась – что было более характерно для меня, чем для нее. Ей хотелось закричать, отправиться прямо к Татьяне и объявить о разрыве их договоренности. Никакой колледж не стоил такого. Может, она даже скажет Татьяне, что настало время революционных перемен, время перевернуть морейский мир с ног на голову...

Лисса с удивлением обнаружила, что дрожит. Откуда все эти устремления? Одно дело расстраиваться из-за Татьяны, но это?.. Такая бесконтрольная ярость не овладевала ею с тех пор, как она впервые начала использовать дух. Она сделала глубокий вдох и прибегла к кое-каким успокаивающим приемам. Не хватало только, чтобы Эйвери поняла, в какого психа Лисса только что чуть не превратилась.

– Я просто терпеть не могу, когда люди говорят обо мне, – сказала она наконец.

Эйвери, казалось, не заметила «припадка» Лиссы.

– Если тебе приятно это услышать, не все думают о тебе так же. Я встретила девушку... как ее... Мия? Да, так ее зовут. Она не из королевской семьи. – Судя по тону Эйвери, она разделяла отношение большинства королевских мороев к «простым». – Ну так вот, она расмеялась, услышав о тебе и Адриане. Сказала, что это чушь.

Лисса еле заметно улыбнулась. Когда-то Мия была ее соперницей и вела себя как эгоистичный, надоедливый ребенок. Однако после того, как стригои убили ее мать, Мия заняла очень решительную позицию, которая чрезвычайно нравилась и мне, и Лиссе. Мия жила при дворе со своим отцом, по секрету училась сражаться и надеялась когда-нибудь лично вступить в схватку со стригоями.

– Ах! – неожиданно воскликнула Эйвери. – Это Симон. Я должна идти.

В глубине коридора Лисса увидела сурового стража Эйвери. Может, он и не был таким мрачным, как Рид, брат Эйвери, но по-прежнему имел тот же непреклонный, строгий вид, как тогда, когда Лисса впервые встретила с ним. Эйвери, правда, вроде бы чувствовала себя рядом с ним прекрасно.

– Ладно, увидимся позже, – сказала Лисса. – И, Эйвери...

– Да?

– Адриан свободен.

Эйвери улыбнулась и зашагала к Симону.

В доме Беликовых в Бийске подготовка к заупокойной службе продолжалась. Медленно собирались друзья и соседи дампир, многие приносили еду. Тут я впервые увидела дампирское сообщество, хотя в отличие от Сидни ничего таинственного в нем не заметила. На кухне везде, где только можно, стояли угощения. Кое-какая еда была мне знакома, и еще тут было много сладкого – свежее испеченные булочки, пирожные, печенья, усыпанные орехами и сахарной глазурью. Некоторых блюд я никогда прежде не видела и не уверена, что хотела бы увидеть снова. В особенности мне не понравилась миска с отвратительной на вид, липкой капустой.

Однако, прежде чем заняться едой, все вышли из дома и собрались на заднем дворе в полукруг – больше нигде не было места, способного вместить такое количество людей. Появился священник, человек. Это немного удивило меня, но я предположила, что, живя в человеческом городе, дампир посещают человеческую церковь. И для большинства людей

дампиры ничем не отличались от них, поэтому священник наверняка думал, что его пригласили в обычный дом. Присутствовали и немногие живущие в городе морои, но и они тоже более-менее могли сойти за людей – правда, очень бледных – если следили за тем, чтобы не демонстрировать свои клыки. Люди не ожидали увидеть тут ничего сверхъестественного, а раз так, то никакие сомнения не закрадывались в их головы, даже когда они сталкивались с чем-то таким нос к носу.

Постепенно наступила тишина. Солнце уже садилось, западная часть неба полыхала оранжевым, повсюду протянулись длинные тени. Священник совершал заупокойную службу по-русски, его речитатив в темнеющем дворе звучал мистически.

Мне приходилось слышать заупокойные службы только по-английски, но ощущение возникало то же самое. Собравшиеся то и дело крестились. Я не понимала слов, поэтому просто смотрела и ждала, чувствуя, как горестный голос священника проникает в душу. Любовь к Дмитрию нарастала внутри, словно приближающаяся буря, но я старалась сдерживать эмоции, утаить их в своем сердце. Когда поминальная служба закончилась, сверхъестественное напряжение, охватившее всех, рассеялось. Люди снова задвигались, обнимали Беликовых, жали руку священнику. Вскоре он ушел.

Приступили к еде. Все рассаживались с полными тарелками, где могли найти местечко, как в доме, так и во дворе. Никто из гостей не знал меня, и Беликовым тоже было не до меня. Они были слишком заняты, бегая туда и обратно, чтобы никого не обделить вниманием. Сидни в основном сидела рядом со мной, мы вели легкий разговор, и ее присутствие действовало на меня успокаивающе. Мы сидели на полу в гостиной, прислонившись к стене рядом с этажеркой. Сидни, как обычно, только ковыряла еду, что заставило меня улыбнуться. Было что-то успокаивающее в этой ее уже ставшей знакомой привычке.

Покончив с едой, люди продолжали разговаривать, собравшись небольшими группами. Я ничего не понимала, естественно, но постоянно упоминалось имя: Дмитрий, Дмитрий. Это напоминало неразборчивый шепот, издаваемый призраками, и вызывало тягостное ощущение, будто я сейчас задохнусь; снова и снова повторяемое имя давило на сердце. Дмитрий, Дмитрий. В какой-то момент это стало просто невыносимо. Сидни куда-то ушла, и я выбежала из дома, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Кто-то разжег на заднем дворе костер, вокруг него сидели люди и тоже разговаривали о Дмитрие. Ну, я и пошла на передний двор, а потом на улицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.